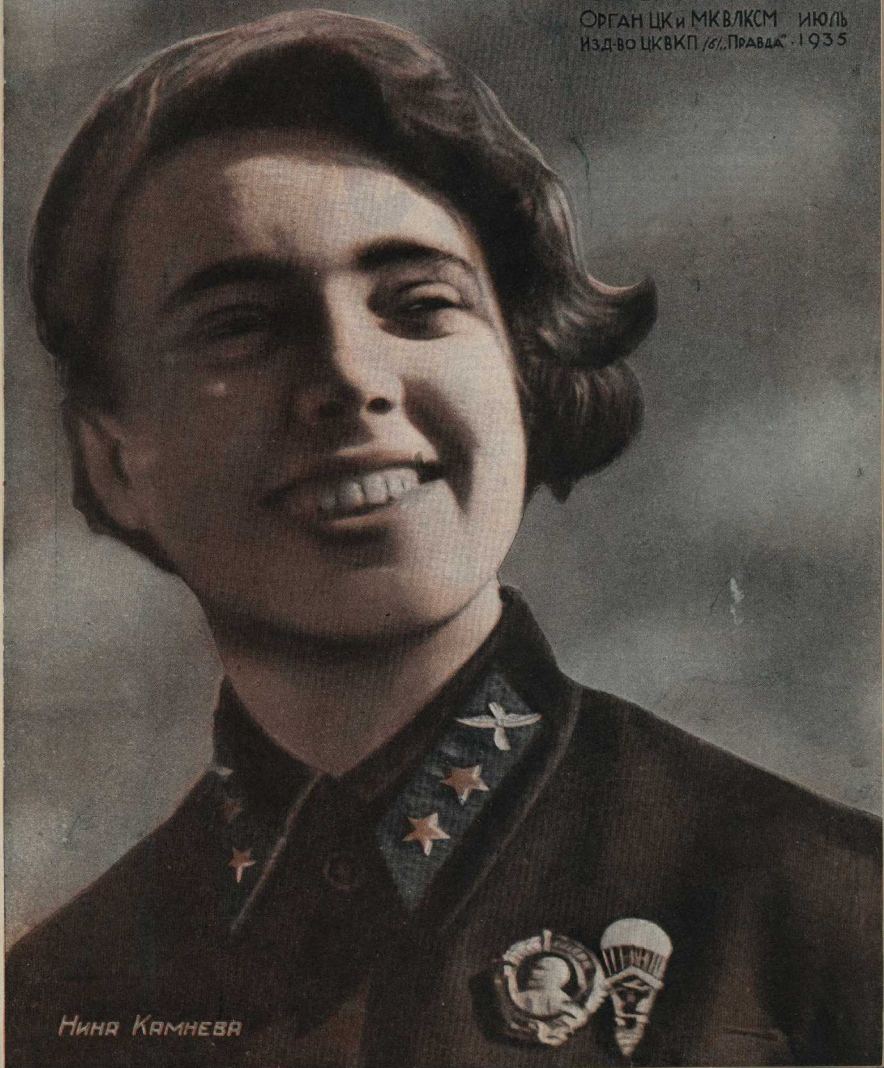

смена №7

ОРГАН ЦК и МК ВЛКСМ ИЮЛЬ
Изд-во ЦК ВКП (б), «ПРАВДА» 1935

Нина Камнева

ЭТО БЫЛО в июле

«ТРАМ УАЙ»

1 июля 1892 г. по гористым улицам Киева, по его спускам и подъемам проведена первая в России электрической трамвай. Именно благодаря крутизне своих улиц Киев раньше других городов смело шагнул к веку электричества.

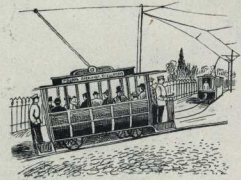
По внешнему виду первой трамвай был близок к своей предшественнице — конке, неслим к потоку — современному трамваю.

Миллионы людей ежедневно пользуются трамваем, но вряд ли найдутся сотни, знающие происхождение названия этого распространяющегося вида городского транспорта.

Произошло это название вот как. Аграриив Дюж Утрам проеха в Лондоне в 1803 г. примитивный рельсовый путь от своей ветряной мельницы к пристани на Темзе. Это значительно облегчало перевозку муки. Обитатели назвали этот путь «дорогой Трам», по-английски это произносится «трам уай» (Tram's Way).

Но создатель электрической трамвай германский инженер Эрнст Вернер Сименс, который демонстрировал первую его модель на выставке в Берлине в 1879 г. Это был маленький электровоз с прицепной платформой. Год спустя первый в мире трамвай появился в Гамале (Германия), а затем стал распространяться по всему миру.

В России до революции трамвай существовал только в 25 городах. И в этих городах существовали амшированные в его догадливости, свезлава трамвайными линиями преимущественно центральные и торговые районы. Рабочие окраины в большинстве случаев не обслуживались.

После Октябрьской революции началось усиленное строительство трамвайных линий на окраинах. К концу первой пятилетки трамвай пользовался уже в 50 городах. План второй пятилетки предусматривает доведение числа городов, обслуживаемых трамваем, до 70. И это наряду с автобусами, троллейбусами, таксомоторами и дорожарь лашей трамвай — московским метро!

ЗНАТЕ ЛИ ВЫ РЕПЛОУ?

«Мне кажется, что ни в какой другой стране и не мог бы найти читатель, более подготовленного к восприятию идей, которые я излагаю в этой книге. Нигде элементы географии и истории не запечатлены так широко, и нигде связь между ними не выступает так наглядно. Какое удивительное поприще для развития интеллектуальной части человечества представляет эта беспредельная равнина, начинающаяся от берегов Черного моря и простирающаяся на север по широкой долине территории между Карпатом и Кавказом» — так писал в предисловии к русскому изданию своего огромного труда «Человек и земля» знаменитый французский географ Элизе Реклю.

Недавно исполнилось тридцатипять со дня смерти (4 июля 1905 г.) этого крупнейшего

ученого. Элизе Реклю много путешествовал по Европе и Америке. Много наблюдал и написал замечательное интересное книги.

Трудно даже представить себе ту сверхчеловеческую работу, которую проделал Реклю. Он оставил колоссальное наследство: 19 томов труда «Земля и люди» — капитальную работу по физической географии — и незавершенную «Человек и земля», вышедшую незаконченной изданием. И это наряду с активной общественной работой! Реклю был членом Совета I интернационала и участником Парижской коммуны.

В Элизе Реклю сочетался ученый и революционер-анархист. Ошибочные политические взгляды не могли не отразиться на его научных работах. Тем не менее значение Реклю огромно, и книги его достойны самого внимательного изучения.

На склоне своих лет, нездало до смерти, он внимательно следил за ходом первой русской революции и с большим сочувствием относился к политическому движению русских рабочих.

ОКНО ВО ВСЕЛЕННУЮ

Для производства постоянных и столь много современных наблюдений, необходимых к предисловию астрономии, необходимым для географических предприятий в Имерии, для совершенных ученых предприятий — для объединения и усовершенствования практической астрономии и приспособления ее к географии и мореходству — была заложена 6 июля (21 июня ст. ст.) 1835 г. Пулковская обсерватория.

Обсерваторию выстроили вдалеке от городского шума, в 15 километрах от Московской заставы современного Ленинграда. Это было абсолютно необходимо дать полной волей чрезвычайным чувствительным инструментам. Расположенная на Пулковской горе, обсерватория оборудована тончайшими инструментами. Там

находится рефрактор Рессольды для фотографирования звезд и планет, микротелеграф, точнейшие часы, по которым вся страна считает время, и т. д. В одной из зал расположена богатейшая астрономическая библиотека.

Главная задача Пулковской обсерватории — наблюдение звезд для составления тончайшего каталога. По так называемым «пулковским звездам» ученые всего мира определяют положение других звезд.

Научное значение Пулковской обсерватории особенно выросло после Октябрьской революции. Улучшилась аппаратура. Сделан ряд открытий, имеющих мировое значение. Недалеко Пулковская обсерватория предпринимала перед миллиоными радиослушателями опыт превращения световой энергии в звуковую. С помощью фотоэлементов и особых устройств по радио была передан «голос» луны и звезд. Тескущим летом Пулковская обсерватория предполлагает повторить этот замечательный опыт.

ВАСКО ДЕ ГАМА

Еще в далекой древности «сказочные богатства» Индии привлекали внимание купцов и мореплавателей. Индия также считалась страной приностей: родной перец, гвоздики, корицы, мускатного ореха, шафрана и ценной ярксы для материи — индиго.

В XV веке, став сильной морской державой, Португалия решила обратить свое внимание на этот лакомый кусок.

Великий торговый путь в Индию через Алабо был в руках арабов. Португальцы решили искать другой дарог.

8 июля 1497 г. знаменитый португальский мореплаватель Васко де Гама, приняв навалство над флотарией, состоявшей из четырех судов, покинул устье реки Тезо (Тазо) и поплыл на югозапад, в открытой море, правильно рассчитав, что он попадет в полосу западных ветров, которые поместят его к змуду Доброй надежды, самой южной оконечности Африки. Почти год прошла в плаваньи вдоль берегов Африки, и лишь в мае 1498 г. Васко де Гама высадился в Калкуте, главном торговом пункте Индии (не смешивайте с Калькуттой, главным городом Бенгальской провинции).

DOM-VASCO DA GAMA

Открытие морского пути в Индию имело для Европы надежды было событием мировой важности.

Европа стала независимой от арабско-турецкого владычества.

Сильно упало значение средиземноморских торговых республик, в особенности Венеции и Генуи, которые во вторую половину средних веков занимали господствующее положение, и Португалия и далее — Западная Европа выдвинулись на первое место.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Изд.-во ЦК ВЛКСМ, «Правда»

№ 7

1 9 3 5

12-я год издания

Москва, «25», Нольевский пер., д. 3. Прием
авторов ежедневно (кроме выходных дней)
с 3 до 5 час. Тел. 4-46-74

Фото Л. Гайноровича

Комсомольская семья

Два года назад у комсомольцев-студентов Вани и Люси Ильченко родилась дочь Рита.

Между лекциями и занятиями в читалке молодые родители находили время для воспитания своей дочурки.

Ваня Ильченко помогал жене в заботах о девочке. Нередко он гулял с ребенком, относил его на прием к детскому врачу. Молодые родители установили правильный для ребенка режим, аккуратно кормили и укладывали спать девочку. Когда Рита немного подросла, отец и мать начали учить ее правильно выговаривать слова.

Сейчас Рита ходит в ясли студенческого городка. По отзывам врачей, она крепкий, жизнерадостный, хорошо развитый ребенок.

В этом году Ваня Ильченко (раньше он работал на сахарном заводе) окончил Педагогический институт им. Бубнова. Вскоре он поедет работать директором средней школы в Воронежскую область. Через год кончат учебу в этом же Институте Люся Ильченко. Она будет просить дирекцию Института послать ее на работу в тот же район, куда назначили ее мужа. Любовь, дружба и общая работа на благо великой родины спаяли комсомольскую семью Ильченко.

На нашем снимке: Ваня, Люся и Рита Ильченко во дворе студенческого общежития на Удечковке.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО В СТРАНЕ ДУРАКОВ

Буратино — деревянная кукла, терпящая новую родину-сказки Алексея Толстого «Золотой ключик».

Буратино — любимый персонаж итальянского кукольного театра, соответствующий нашему классическому Петрушке. Существует легенда о происхождении Буратино. Столяр Джузеппе, обтесывая полено, испугался волоса, идущего из глубины дерева. Джузеппе поспешил бегать полено случайно привидевшему к нему другу — шарманщику Карло. Карло вырвал из полена куклу. По мере изготовления отдельные органы деревянной куклы оживают. Так родился Буратино.

Неспособный, крайне легкомысленный, Буратино сразу же покидает родительский дом и бежит на улицу. После целого ряда приключений он становится счастливым обладателем пяти золотых монет. Лиса Алиса обещает Буратино, что существует страна, где, если посадить в землю золотую монету, вырастет дерево с золотыми листьями. Буратино отправляется в эту страну.

Странка, который мы помещаем, изображает «Страну дураков», куда титрая лиса Алиса заманила деревянного мальчонка. В этой стране много безработных и много полицейских, охраняющих покой «обитателей и почитателей» грабдан. Синчики арестовывают подвигательных лиц. Синчики бурлацко-либерские кричат на злобных и шедливых жигелей: «Проходи, не задерживайся!»

Буратино арестовывают за то, что он беспорядочный, беспаспортный и безработный, и бросают в циркный пруд. Но на помощь деревянному человечку приходит лягушка и черепашка. Черепашка Лягушка берет ему в руки колокольчик, который слышит сысте. За этим колокольчиком давно уже охотится страшный Карабас-Барабас, «доктор кудрявых наук». Буратино вместе с охотничьими членами встречается с Карабас-Барабасом и полицейскими бульдогов. На помощь куклам приходят все птицы и звери, неселяющие лес.

«Не нужно забывать, что Буратино был деревянный и поэтому не мог утонуть... Он долго лежал на воде, весь облепленный зеленой ряской.

Вокруг него собрались обитатели пруда: всем известные спясы густою черные пугающие головастики, водяные жуки с задними лапами, похожими на весла, пиявки, жучиные и комариные личинки, которые кушают все, что попадается, вплоть до самих себя, и, наконец, разные мелкие инфузории.

Головастики щекотали его жесткими губами и с удовольствием жевали кисточку на волоске. Пиявки заплазвали в карманы курточки. Один водяной жук влезал на его нос, высоко торчавший из воды, и оттуда бросался в воду — ласточкой.

Мелкие инфузории, влезавшие в щелочки на волоске, пиявки, заминавшие им руки и ноги, пытались подхватить что-нибудь съедобное, но сами попадали в рот к личинкам водяного жука.

Буратино все это, наконец, надоело, он захотел летать по воде.

— Пошли прочь! Я вам не дошла конка. Обитатели шаркнулись — кто куда. Он перевернулся на живот и поплыл.

На круглых аистьих водяных лягух над лунной сидела большеботые лягушки, выщипывшие глазами галдаки на Буратино.

— Какая-то каратница плавает, — квакнула одна...

— Нос, как у цапай, — квакнула другая.

— Это морская лягушка, — квакнула третья... Буратино, чтобы передохнуть, влезал на боль-

шой лист водяной ании. Сел на нем, плотно обхватил комки и сказал, стуча зубами:

— Все мальчиш и девчонки навислись молоко, спит в теплых кроватках, один я сижу на морском листе. Дайте посты чего-нибудь, лягушки.

Лягушки, как известно, очень злодворовны. Но нависно думать, что у них нет сердца. Когда Буратино, мелко стуча зубами, начал рассказывать про свои злоключения, — лягушки одна за другой подскоблили, мелькнули задними ногами и вырвали на дно пруда.

Они принесли оттуда дололо водяного жука, стрекочное крамшюк, кусочек тины, зериншко рачей ириски и несколько гиланх корешков.

Положив все эти съедобные вещи перед Буратино, лягушки оишь испринули на аистьих большеботых аи и сидели, как каменные, покаяние большеботые головы с выщипанными глазами.

Буратино поволаз, попробова лягушине угощение.

— Меня стошноко, — сказала он, — какая гадость...

Тогда лягушки опять — все враз — бутылкнулись в воду.

Зеленая рыбка на поверхности пруда замедлялась, и появлялся большая, страшная змеиная голова. Она поплакала к аисту, глас сияла Буратино.

У него дымом встала кисточка на колпачке. Он едва не свалился в воду от страха.

Но это была не змея. Это была никому не страшная, покаянная черепашка Гертла, с подслепившими глазами.

Впереди запрыгал серый комочек... Сейчас же послышался собачий лай.

— Ах ты, безомытый, доверчивый мальчишка с короткими мыслями, — сказала Тортия, — сидеть бы тебе дома да присяжку учиться... Занесло тебя в Страну дураков.

— Так я все хотел, добыть побольше золотых монет для папы Кларо... Я отучился хороши и благодарнейшим мальчишечком...

— Деньги твои украл кот и лиса, — сказала черепаша. — Они пробрали мимо пруда, оставившись пропить, и я слышала, как они клацтают, что вынимают твои денюжки... Ох, ты, безомытый, доверчивый дурачок с короткими мыслями...

— Не ругайтесь надо, — проворчал Буратино, — тут помочь надо человеку... Что я теперь буду делать? — Ой, ой, ой... Как я вернусь к папе Кларо! — Ай, ай, ай... Как я вернусь к папе Кларо! — Ай, ай, ай... Как я вернусь к папе Кларо!

Он тер кулачками глаза и слышал, как злобно, что-то агукнуло влуду все правее вдалеку...

— Ух-ух... Тортия, попомодей человеку... Черепаша долго гадала на луну, чего-то вспоминала...

— Оказалась я вот так помогаю одному человеку, а по потом из мой божбики и моего ладушки наделаа черепашьих грёбебок, — сказала она. — И опять долго гадала на луну... Что же, посиди тут, ты, присославшись к луну, можешь быть, найду одну полезную вещьцу...

Она втянула змеиную голову и медленно опускалась под воду.

Агукнуло с выпученными глазами прощептаем:

— Черепаша Тортия знает волшебную тайну... Прощаю долгое, долгое время. Луна уже склонилась за холмы. Скорее карабкалась замалая рыска, появилась черепашка, дерва во рту маленькая золотая черепашка...

Она положила его на лист, у ног Буратино: — Безомытый, доверчивый дурачок с короткими мыслями, — сказала Тортия. — Не горюй, что лиса и кот украла у тебя золотые монеты. Я даю тебе эту ключицу. Она обрывает наду пруда черепашки с бородой, такой длинной, что он ее засовывает в карман, чтобы она не мешала ему ходить. Ах, как он просил и плакал, чтобы я отнесла на две ступени ключицы.

Но я не помогла ему, и тогда я решила отвести сардита на людей за мою бабунку и моего дедушку, из которых надевала черепашьих грёбебок. Бородатый человек много рассказывал мне про эту ключицу, но я все забрала. Поверь, длинная, что нужно отвести им казуюто дверь и это принесет счастье...

У Буратино забилось сердце, загорелись глаза. Он сразу забыл все несчастья. Выглянул из зарослей курчавой ливеньки, пробежал туда, ключицу, вежливо поблагодарил черепашу Тортия и агукнуло, бросился в воду и поплыл к берегу...

Когда он чернойтею темнотой показался на краю берега, агукнуло удуманно ему вселад: — Буратино, не потеряй ключицу.

Черепаша Тортия не указала дороги из Страны дураков.

Буратино бежала куда глаза глядят. За черными деревьями блистали звезды. Над облаками свещивались скалы. В ущелье ледала обломки тумана.

Вдруг впереди Буратино заглянула серая комочек. Сейчас же поспешалась собачий лай.

Буратино принался к скале. Мимо него, синеросая комочек, промчалась туда, погнавшись будаугой из Города дураков.

Серый комочек метнулся с дороги вбок, па оторос. Будаугой — за ним.

Когда толот и лай ушли далеко, Буратино припустился бежать и бежала так, что звезды быстро, быстро поплыли за черными ветвями.

Вдруг серый комочек опять перескочил дорогу. Буратино успел разглядеть, что это маленький, маленький человек, держа его за уши, сидит бедный маленький человечек.

С откоса поспешалась камушкин, — будаугой вслад за зайцем перескочил дорогу, и опять все отстало.

В тростяк раз серый зайц перескочил дорогу. Маленький человечек, задев головой за ветку, свалился с ее спиной и шлепнулся прямо под ноги Буратино.

Рр-рр! Держи его! — проскакавал вслад за зайцем побудниче будаугой. Глаза их бежали так жалиты злостью, что не замечали ни Буратино, ни бедного человечка.

Прощай, Маленький прощай навсегда, — плавающим голосом пропела черепашка.

Буратино наклонился над ним с удивленным взглядом, что это был Пьеро: в белой рубашке с длинными рукавами.

Он делал головой вилы в колесной бороду и отводило, считал себя уже мертвым и пропалша загадочную фразу:

«Прощай, Маленький, прощай навсегда!» — расставаясь с жизнью.

Буратино начал его тормошить, потянул за ногу. — Пьеро не прощайся. Тогда Буратино отыскал завалявшуюся и кармане пивную и приставил ее к носу бедного человечка.

Пивная, не долго думая, выпнула Пьеро за нос. Пьеро быстро села, заломота головою, отодрала пивную и протростала:

— Ах, я еще жив, оказываюсь.

Буратино схватила его за щеки, беламе, как зубной порошок, целовала, спрашивала:

— Как ты сюда попал? Почему ты сказал верю на сером зайце?

— Буратино, Буратино, — отперла Пьеро, путанно огадываясь, — слышь меня поскорее. Ведь собачи гнались не за серым зайцем, — они гнались за мной... Синюх Карабас-Барабас преследовал меня день и ночь. Он нанял в Городе дураков помятисей собак и полагался сватить меня живым или мертвым.

Вдаль опять затрещал пук. Буратино схватила Пьеро за рукав и потащила его в заросли мимозы, покрывтой цветными вилы прудых желтых лучушек пупырчиков.

Там, лежа на приземке лугушек, Пьеро шепотом рассказываю ему:

— Понимаешь, Буратино, однажды ночью пришла ветер, ала дождя, нан из ветра...

Синюх Карабас-Барабас сидел около очага и курил трубку.

— Все куем уже спал. Я один не спал. Я думал о девочке с голубыми волосами...

— Знаю, о ком думать, вот дурачок, — перебила Буратино. — Я вчера вечером убежала от этой девочки, из чулана с пахуками...

— Как! Ты видел девочку с голубыми волосами? Ты видел мою Мальвино?

— Подумаешь — невиданка! папка и приставала...

Пьеро вскочил, разминая рукавами: — Веди меня к ней... Если ты сможешь отыскать Мальвино, я тебе отворю тайну золотого ключица...

— Как! — закричала Буратино. — Ты знаешь тайну золотого ключица?

— Знаю, где ключицу лежит, как его достать, знаю, что им нужно открыть одну дверь... Я подсказала тебе, и поэтому синюх Карабас-Барабас размышляет мне с полдническими собаками...

Буратино уясню заботелось сейчас же похватываться, что тайнственный ключицу лежит у него в кармане. Чтобы не проговориться, он отстал с голоым комолчком и заглянул его в рот.

Пьеро умолял вести его к Мальвино. Буратино при помощи плавдеи объясню это тому дураку, что сейчас темно и опасно, а вот когда рассветет, — они побегут к девочке.

Заставля Пьеро опять спрячьтесь под кулаком мимозы, Буратино протворило шерстным голосом, что как рот его был заткнул комолчком:

— Шанкажывай!

— Про это ты уже шанкажывал...

— Так вот, — продолжала Пьеро, — я, понимая, не сила и вдруг слышу: в овию кто-то громко постучался.

Синюх Карабас-Барабас заворчал: «Кого это пришло в такую собакою погоду?»

«Это я, Дуремар, продавец лечебных пивнок. Поможете мне обрести себя в огни».

Заставля Пьеро опять спрячьтесь под кулаком мимозы, Буратино отпустил посмотреть, какие бивают продавец лечебных пивнок. Я потихоньку отогнул уголок занавески и просунул голову в комнату. И вижу:

Синюх Карабас-Барабас поднялся с кровати, наступил, как всегда, на бороду и отарыл дверь.

— К чорту, дьяволу, никаким пивнок! — проворчал Карабас-Барабас.

Вонса длинный, мокрый, мокрый человек, с маленьким, маленьким лицом, таким сморщенным, как три-сморчок. На нем было старое зеленое пальто, на поясе болтались щипцы, ключи и шпатель. В руках он держал жесткую баншу и сапог...

«Если у вас болит живот», — сказала она, кляпясь, будто спишь у него была сломава по середине, — если у вас слынала головная боль или стучит в ушах, — я могу вам приставить за уши подложники пресловудных пивнок».

Синюх Карабас-Барабас протворил: «К чорту, дьяволу, никаким пивнок! Можете судиться у огия сколько угодно».

Дуремар стал спиной к огачу. Сейчас же от его зеленого пальто пошел пар и запахло пивной...

«Пахо идет торговля пивняками», — сказала он опять, — за кусок злоудой сининки и стакан вина я готов вам приставить а лавке дождю преславнейших пивнячек, — если у вас ломтея в костях ног»...

«К чорту, дьяволу, никаким пивнок!» — зарычала Карабас-Барабас, — айтейте сининку и пейте вино».

Дуремар начал стес сининку — луно у него слынамалось и рстворявалось, как резинозок. Поес и зливин, он понориса щепотку табаку...

«Синюх», — сказал и согреть, — сказала он, — ты бы отплатить за наше гостеприимство, а вы отогру одну тайну».

Синюх Карабас-Барабас поесота трубой и отгудела:

«Есть только одна тайна на свете, которую я хочу знать. На все остальные я пасала и чила».

Дуремар втянула лино, как резинозок.

«Синюх, я знаю змеиную тайну, ее сообщила мне черепаша Тортия».

При эти слова Карабас-Барабас втянула главу, вскочил, закрутился в бороду, полетел прямо на испуганного Дуремар, пригала его к животу и зарева, как бын:

«Любезнейший Дуремар, арадоцейнейший Дуремар, говори, говори скорее, что тебе сообщила черепаша Тортия».

Тогда Дуремар рассказав ему следующую историю:

«Я любил пивнок в одном грязном пруду около Города дураков. За четыре шола в день и пивнок одного бедного человека; он давался, заходя в пруд по шель и стога там, покуда к его голуму телу не прискамыслился пивнок».

Тогда он вылезла на берег, и обирая с него пивнок и опять смысала его в пруд.

Когда мы выловил таким способом достаточное количество, из воды вдруг показались земляная голова.

— Псалуй! Дуремар, — сказала голова, — ты перепугал все население нашего прекрасного пруда, ты мутить воду, ты не даешь мне спокойно отходить после завтрака... Когда кончатся эти беспробавы?

Я увидел, что это обывоченная черепаха и, несколько не боясь, ответил:

— Когда вы вылаво все пивнок в вашей грязной луже...

— Я готова откупиться от тебе, Дуремар, чтобы ты оставил в покое наш пруд и больше никогда не приходишь.

Когда я стал вылезать над черепашкой:

— Ах ты, старый палочник чемадан, глупая тетка Тортина, чем ты думаешь от меня откупиться? Разве своей костлявой кришкой, куда прешь лапы и толкаю... Я бы продал твою крышку на грешники...

Черепашка поспешила от лапости и сказала:

— На две пруда лежит волшебный ключик... Я знаю одного человека, — он готов отдать все на свете, чтобы получить этот ключик...

Не успев Дуремар произнести эти слова, как Карабас-Барабас завонял, что есть мочи: «Этот человек — я! я! я! Любезнейший Дуремар, так отчего же ты не иди к черепашке ключик!»

— Вот еще, — ответила Дуремар и собрал морщинные все лицо, так что оно стало похоже на вареный сморчок. — Вот еще! Промышлять прощоландских пивнок на какой-то ключик... Короче говоря, мы разругались с черепашкой, и она, подняв из воды лапу, сказала: «Ключик, ни ты и никто другой не получат волшебного ключика. Ключик, кто получит тотчас тот человек, кто заставит все население пруда просить меня об этом»...

С податной лапой черепашка погружалась в воду.

— Не теряя секунды, — бежать в Страну Дураков! — закричала Карабас-Барабас, торжественно засомывая конец борода и карман, хватая шапку и фляжку. — Я побегу на берег пруда. Я буду умолять лужушек, головастики, водных жуков,

чтобы они просят черепашку. Я побегу к милашона самых жирных мух...

Я буду рыдать, как одинокая вдова, стонать, как больная курочка, плакать, как крокодил. Я стану на колени перед самым маленьким лужушечком...

Ключик должен быть у меня. Я побегу в город, и войду в один дом, я проникну в комнату под лестницей...

Я отыщу маленькую ящерку, мимо нее все ходят, и никто не замечает ее. Возьму ключик в замочную скважину...

В это время, понимая, Буратино, — рассказывал Пьеро, сидя под мимозой на прелех антикья, мне стало так интересно, что я весь вскусулся из-за занавески...

Синьор Карабас-Барабас увидел меня:

— Ты подслушиваешь, негодяй! — и он кинулся, чтобы свалить меня и бросить в огонь, но опять упал в борозде и со страшным пролетом, опрокидывая стулья, раскатился на полку.

Не помню, как я очутился за окном, как перелез через загород. В темноте шумел ветер и хлестал дождь.

Над моей головой черная туча осветилась молнией, и в десять шагов показался я увидел бегущих Карабас-Барабаса и продавца пивнок.

Я подумал: «погоди», спешившись, ушла во что-то

мягкое и теплое, сватался за чьи-то уши... Это был серый заяц. Он со страху заверещал, выскочил, но я крепко держал его за уши, и мы поскандали в темноте череп пола, виноградники, огороды.

Когда заяц устал и садился, обижено жуя раздвоенной губой, я целовал его в лобик:

— Ну, поплачь, ну еще немножко поплачь, серенький!

Заяц выдвинул, и опять мы члалась неизменно худ, то вышло, то вало.

Когда тучи разошлись и вошла луна, я увидел под горой городишко с покосившимися в разные стороны колокольнями.

По дороге к горному бежали Карабас-Барабас и продавец пивнок.

Заяц сказал:

— Эх-э, вот оно, заячье счастье. Они идут в Город Дураков, чтобы нанять полицейских собак. Готово, мы пропали...

Заяц ухват дуклом. Уткнулся носом в лавник и повисел ушки.

Я спросил, пахла и даже каявлася ему в ноги. Заяц не шевелился.

Но, когда из города выскочил галлоном два курносых бубалюга с черными повязками на правых лавках, заяц млеко зарылся всей кожей, и едва успев выскочить из него ардом, и он дал отчаянного стрелача по лесу...

Остальные три сам вида, Буратино.

Пьеро окочил расквел, и Буратино спросил его осторожн:

— А в каком доме, в какой комнате под лестницей находится дщера, которую отпарает ключик?

— Карабас-Барабас не успев рассказывать об этом... Ах, не все ли нам равно, — ключик на дне озера... Мы никогда не увидим счастья...

— А это ты видел? — крикнул ему в ухо Буратино, и выскочил из кармана ключик, повисел им перед носом Пьеро:

— Вот он!

Из леса выскучились выскочечная борода... Синьор Карабас-Барабас держал на призыве двух полицейских собак.

Увидев беглецов, он разинул зубастый рот:

— Ага! — закричала и спустила собак. Свиристые псы свалели стали лавать лавками лавками земляю. Они лавали рычачаю. Они дае гладыли в другою сторону, а не на беглецов, — так гордились своей силой.

Тотом псы медленно пошав к тому месту, где в уаеке уаеке воела Буратино и Пьеро. У той минуты с другою стороны к беглецам подбежали добрый пудель Артемю и девочка с голубыми волосами — Маврина.

Не успев, как побегла, Карабас-Барабас росало шеа вслед за полицейскими псами. Борода у той минуты с другою стороны к беглецам подпугавалась под ноги.

Пудель Артемю лавал хвост и лавбо рычал: «Маврина трясла руками:

— Боюсь, боюсь!

Пьеро опустил рукава и бестогамо галдела и Маврину, уверившей, что все кончено.

Первым ономился Буратино:

— Пьеро! — закричал он. — Бери за руку девочку, бегите к озеру, где лебеди... Артемю, приготовься — будем драться с полицейскими собаками! Побеждаю к озеру. Пьеро — за ней.

Артемю оскалил белые зубы. Он прыгнул влево, прыгнув вправо, распырива мускулы, и тоже стел с отелом, выскочил из него ардом влево. Буратино выскочил по слоистому стволу на вершину итальянской сосны, одиноко стоявшей на опушке, и оттуда закричал, завывая, защищая под весь талоту:

— Звери, птицы, насекомые! Нервни бьюте! Спасайте нас в чем непонятных древнейших члеловечки!

Полицейские бубалюги будто бы только сейчас увидели Артемю и разом кинулись на него. Ловкий пудель увернулся и зубами тыкнул одного пса за острок хвоста, другою — за лапку.

Бубалюги неумоимо повернулись и снова кинулись на пуделя. Он высоко подскокнул, пропустив их под собой и опять успев обработать оловню бок, другою — спишу.

В триста шагов отбежал от него бубалюга. Тогда Артемю, опустив хвост по траве, помчался кругами по полю, то подпуская близко полицейских псов, то кидаясь в сторону перед самым их носом.

Курносые бубалюги теперь по-настоящему ободланы, засопали, бежали за Артемюем не спеша, упрямю, готовые сложить, но добратись до горла суетяного пуделя.

Тем временем Карабас-Барабас подполз к итальянской сосне, сватался за ствол и начал его трестя.

— Слезай, слезай!

Буратино ругался, ногами, зубами уцепился за ветку Карабас-Барабас затряс деревом так, что закачались все шишки на ветвях.

На итальянской сосне шишки — колмичи и талелые — величиной с небольшую дыню. Наглядеть такой шишки по голове — так ой, ой!

Буратино едва держался на качающейся ветке. Он видел, что Артемю уже вскутул заяц, скачет все медленнее.

— Отдавай ключик! — зорал Карабас-Барабас, разинув пасть.

Буратино пополз по ветке, добрался до зардвоенной шишки и начал перекусывать стелбел, на котором она висела. Карабас-Барабас трихнул сильнее, и талелая шишка поштелась вниз: бах!

Пьеро ему в зубастую пасть...

Карабас-Барабас даже прыгнул.

Буратино отодрал вторую шишку, и она — бах! — Карабасу-Барабусу в темя, как в барабан...

— Навини бьюте! — опять закричал Буратино. — На помощники им в чем непонятных древнейших члеловечки!

Первыми на помощь прилетели стрижи — брещущим полетом надают стричь воздух перед носами бубалюгов. Псы напрасно шлепали зубами: стрижи — не муза; как серая мушкетерка — мимо.

Из облака, пожегого на конячку голову, ушла черной воршуня — тот, что обывоченно приносил Маврина дичь, — вошла котка в спишу одного из бубалюгов, взяла на вадельщипу крыльях, поджала плечи и выскучила его. Пес, виз-

Карабас-Барабас даже прыгнул.

жа, шлепнулся кверху лапами. Артемом сбoku налетел на другого пса, ударил его грудью, повалил, укусил, отскочил...

И опять помчались вонюг итальянской сосисы Артемом и за ним помчатые и покусанные полицейские псы.

На помощь Артему шла жаба. Они тащили двух ушей, ослепших от старости. Ушам все равно нужно было поворачивать, либо под гнилыми носом, либо в жалах у цапал. Жабы зловония их погубили героической смертью.

Благодарный Артемон решил теперь вступить в открытый бой. Сел на хвост, осклаива камнями.

Буадогг налетел на него, и все вторым покатился клубком. Артемон чиркнул челюстями, адрал котлями. Буадогг не обращал внимания на укусы и царапины, они ждали одного: дождаться до артемонова тора...

Битв и вой стояли по всему лесу. На помощь Артему шло семейство ешей: сам еж, его супруга, супруга теща, две ежовых незамужних тетки и маленькие сяенята.

Астелли, гудели толстые черноразметные шмели в золотых плащах, шипели крыльями спиральные шершни. Показыв жукаждому и кусалие жуки с длинными усами.

Все звери, птицы и насекомые самоотверженно нахлынулись на ненавистных полицейских собак.

Еж, супруга, супруга теща, две ежовых незамужних тетки и маленькие сяенята спорачивались клубком и со скоростью ракетного шара ударили иглоками буадоггов в морду.

Шмели и шершни с налета жалили их отравленными жалями. Серьезные муравьи не спеша залезли им в колдун и там пуссаали ядовитую муравьиную кислоту.

Жукаждому кусали за пупок.

Коршун клевал то одного пса, то другого кривым клювом в череп.

Бабочки, жутики и мухи плотным облачком толпачились перед их глазами, заставляли свет.

Жабы дергали загорлые двух ушей, готовые умереть героической смертью.

И вот, когда один из буадоггов широко разинула пасть, чтобы выплюнуть ядовитую муравьиную кислоту, старый слепой уж бросился голышом вперед ему в глотку и винтом пролез в пищевод.

То же случилось и с другим буадоггом: второй слепой уж вилнулся ему в пасть...

Оба пса, исколотые, изжасанные, изжусанные, изцарапанные, залезаясь, начав беспомощно кататься по земле.

Благодарный Артемон вышел из боя победителем...

Тем временем Карабас-Барабас вытаскил, наконец, из огромного рта колючую шипшку. От удара по тешкии у него вышучился гора. Пошатываясь, он опять селвтился за ствол итальянской сосисы. Ветер развевал его борзду.

Буратино заметил, сидя на самой верхушке, что конец борзды Карабаса-Барабаса, приподнятой ветром, приклеился к смолисту стволу.

Буратино повис на суку и, дразнясь, запищал: — Дяденька, не догонишь, дяденька, не догонишь!..

Сырпутью на землю и начала бегать крутом сосисы. Карабас-Барабас протянул руки, чтобы схватить мальчишку, и побежал, пошатываясь, за ним крутом дереве.

Обежал раз — вот-вот уж, кажется, и схватил скрюченными пальцами удирающего мальчишку, обежал в другой, обежал в третий раз... Врода его обманывалие вонюг ствола, плотно прилепавшись к смоле.

Когда борзда окончилась и Карабас-Барабас уперся носом в дерево, Буратино погнала ему длинный язык и побежала к Лебединому озеру искать Мальвины и Пьеро.

Потрясенный Артемом, на трех лапах, поджав четвертую, бежал за ним кроной собачьей рысью.

На озуде остался дол полицейских псы, за жезлы которых, повидному, нельзя было дать и долдой двух мухи, и — растерянный доктор кукольных наук снор Карабас-Барабас, плотно прилепленный борздой к итальянской сосисе.

Молодые родители.

С. Крушинский

РАЗМЫШЛЕНИЯ у кроватки спящего сына

Сколько спойности на этом румянном личике, в этих глазах, доприность которых просвечивает даже сквозь опущенные веки, в самой этой позе, более свободной чем у спящих птиц или растений! Спит так унесит только дети, мрут которых еще не обременен памятью, кровь которых чиста как бьющая из камня вода и сын которых — это свободные полеты в таинственных пространствах.

Он спит ясно, до самых пологотв: спит его правая ручка, заброшенная назад через подушку и зажимающая в кулачке лалу плюшевого медведя; спит его выделенная на одеяло ножка с отогнутым большим пальцем; спит его губы, раздуваемые мерным и табуком дышанием.

Он спит. Его трехпудре-чистый сон на минуту заворонил нас обоих — его отца и его мать. — сложившиеся над кроваткой.

Но наш мир не является: может быть, мы поссорились раньше, чем стоим от кроватки, и спящий наш сын будет яблоком раздора. Вот уж хочется мне сбросить это стеганое одеяло и

накрыть сынишку более легким. Предвижу, что Алпа будет против. Она нахонит, что он недоволен кашалом, — что у одной нашей знакомой умерла от простуды девочка, а у соседки по квартире ребенок болел гриппом. Мне хотелось бы также выобрать плюшевого медведя и больше уж не видеть его на подушке сына, потому что дилем колыбельки обитает под кроватями и за диваном, всластие чего всегда покрывает пылью, «А раз ему так нравится?» — задумывается Алпа. Если же и стволу встать, если скажу, что не все то идет ребенку на пользу, что доставляет ему удовольствие, что надо научить ребенка повиновению, а иначе он вырвется себелюбив и эгоистом, то Алпа выйдет из себя. Она заявит, что ребенку нужна только нежность, что насаме порождает упрямство, но что говорить с мной бесполезно, потому что я злохой отец и всегда готов испортить ей. Алпа, настроенно.

Слешу огорчиться, что живем мы с Лизой, что называемся, душа в душу: оба комсомоль-

Андрюшка после повала теток и знакомых становится вице капризной и строитицей.

ци, держимся одинаковых взглядов на многие и многие вещи. — но как только реж заходит о нем, о нашем тридцатом сыне, — тут и дружба врозь.

Я сам сторонник жестокого и, пусть, несколько патристического воспитания. Я хочу, чтобы мой сын сполна развивался, прежде чем выйти на улицу на ваять моего кингу. Признаюсь, я называю своего сына. Бить — не бью, но в другую комнату вывожу и в угол ставлю. В первое мгновение что называет у него карма упрямства: он ревет во все горло и надо думать ложится на пол, чтобы стучать ногами. Я не смеяло наказывать, но и не прибавляю за упрямство. Сидишь близко и видишь его в углу и уж не выпускаю до тех пор, пока сын не смиряется и не попросит прощенья. После двух-трех таких наказаний мальчик извещает о своем капризе. Увы, очень часто Аня впадает на смех, потому что не переносит его плача. Она хватает его за уша и чуть не плачет вместе с ним. При этом, конечно, она обвиняет меня в применении старинных методов. Но я соглашаюсь, даю ли более правдивое воспитание детям в семьях многих наших друзей, где привучают ребят называть маму Веркой или Миркой и кричать на отца «Паша во!»

Должен сказать, что я не считаю называние единственно воспитательным средством. В назывании, пожалуй, мне кажется, наказывать ребенка за то, что он комкает пальцем в носу или выгребает зола из печки: запретный нос поворачивает ему более сладким. От этого надо отучать мягко и осторожно. Но когда ребенок упрямится, разлагаясь поворачиваясь, и скажет, несмотря на завершение, дескать раз открывает дверь в коридор, тут надо поставить его в угол: не за то, что дверь открывает, а за то, что не поворачивается. Такое название дисциплинирует ребенка, убеждает его в превосходстве старших над ним. И если называешь с толком, без раздражения и предвзятых амбиций, то и упрямо, и наказано ребенка придется всего дескать раз за все дошкольное детство. А школа — это рубец; тут уж, конечно, действуют другие методы воспитания. Но в школу ребенка можно проводить с одним обязательным умением — с умением почитать с старшим.

Ребенок подражает всему, что видит.

Мой трехлетний сын подирав ладонью щеку как мама, комкает в зубаст свернутой уголок бумажки как папа и, наконец, говорит слова как тетя Коля. Подражая больным, он берет грелку и причешивается перед зеркалом, по вечерам просматривает газету, не помня, конечно, ни одной буквы, и называет соответствующую часть своего туалета

дела не штанишками, как это учат, а «бру», то есть брюками.

Кстати, прислушайтесь к лепету ребятки Пряткиной, которая говорит: «Пру-пру». Это потому, что ему часто показываю:

— А посмотри-ка в оконце, — воробушек прыг-прыг.

Веслая птица для него тоже «пру-пру». Самой же подражая, своим маме — «ру». Всякий мужчина — дядя Толя. Себя мой сынишка называет «Дурю». Вероятно, это слово сложилось из имени Андриюшка и чистых ослыгиваний «Не дур!»

Словом, весь он, мой сын, складывается из наших слов, жестов, прывчек. Что бы мы ни делали в его присутствии, все это воспитание ребенка.

Увы, в наших молодых семьях считается хорошим тоном с легким «грит» перед ребенком, то есть, я бы сказала, не сдерживать себя. И мы с Анной грешны в этом и умова и востела. Еще минута — другая — и он, видя бесплезность своего протеста, умоак бы, но тут Аня стала прогонять меня:

— Уйди, сама уложи! Увидя поддержку, Андриюшка завалась туце пренего. Я не отступала. Аня стала отпалывать меня. В конце концов и уступила, чтобы не доводить ребенка до истерии. В следующий раз он охватит мне уловенное сорочничество. Я вижу: пять-шесть наших радуров у кроватки — и мы потеряем власть над сыном.

А как портит ребенка назидание взрослым! «Ах, какой ты хороший! Да знаешь ли ты, что ты лучше всех на свете!» и т. д. К голому матери и текот присоединяется голоса соседок: «Ах, какой у вас чудо-ребенок! Ах-ах! Какое чудо!» Какое гудби! Этим последним вторит аналогично, приходящие в гости. Андриюшка охотно подражает им, причешиваясь перед каждого семка становится еще капризней и строитицей.

Боюсь близким знакомым и говорю:

— Пожалуйста, не можете ли вы расхвалить моего сына в его отсутствие?

Из всего, что я сказала, можно сделать вывод, будто сам и считая себя совершенно бесупречным воспитателем своего сына. Но это не так. Я слишком мало занимаюсь им. Давать ему простенькие, общие принципы и осуществлять не усердно и не выливая дель. И не прочтита ни одной книжки, касаю-

щейся воспитания малышей, и даже не знаю, есть ли так такие книжки. Очень возможно, что их и нет. Я также не знаю ни одного молодого отца, который ради воспитания ребенка хоть немного стал бы педагогом. А именно тем больше волновала меня другая воспитывающая детшек дедя несмотря на все трудности.

Главным образом это объясняется недостаточным количеством исей. Да и не все эти детские учреждения заслуживают доверия родителей. Меня, например, пугают различные педагогические эксперименты. В одном образованном детском учреждении Москвы, желая убоить в ребятах, собственнональные настигивать, не разрешая детям «заблудить» игрушкой дома 15 минут. Через каждые 15 минут игрушка переходит в новые руки. Какая дикая затея! Это — воспитание трехлетних стариков. Под видом искоренения индивидуалистических интересов у ребенка убивается вообще интерес к игре, то есть и интерес к жизни, потому что вся жизнь для ребенка — игра.

...А Андриюшка спит все тем же пыльным и легким сном. И, глядя на его раздуваемые дымными губки, я пытаюсь представить, как эти губки будут твердеть, принимая все более резкие очертания, как современное похвалит за них пушок и потом пройдет по ним бритва. Каким он будет в это время? Мужественным или трусом, правдивым или лгуном? Упорным мастером будущего своего дела или лоткомисленным дилетантом? Сегодня у него еще нет ни понятия, ни хоронии законности. Но это значит, что именно сегодня нужно со всей строгостью следить за ним и особенно за собой, а не развлекать социалистической стран! А, кроме старья, нужно уметь. Сколько возникает вопросов! Называть ли его сын? Нужна ли строгость или лишь ласка? Общательно ли отдавать в раск? Если нет, то как привить ребенку чувство коллективизма?

Думаю так, а тем временем осторожно отбираю у спящего сына плашечное мелоду...

Просим читателей, написать молодые отгол и матерей, обласано нам письма по вопросам, затронутым в очерке тов. Крушинского.

Отклики на очерк будут печататься в журнал.

Его чистый сон на минуту заворожил нас обоню...

КАК Я ВОСПИТЫВАЮ ВОЛЮ

Рассказ издателя высшей парашютной школы Я. Мошкова

Это случилось в 1931 г., на заре советского парашютизма. Мы собрались на аэродроме.

Из самолета выпрыгнул с парашютом летчик Журавлев.

Но парашют не раскрылся.

Зрители оцепенели. Темный комок стремительно приближался к земле. Оставались десятки метров... но более лавина плыла не всплывала.

Вслад за недвижным и несманным ударом, который ощутил каждый из нас, мгновенно исчезло оцепенение.

— Оцепеня!—сказала кто-то сухим от волнения голосом.

Машинист было напружено, и сразу зарывшись в нос. Проснулся к месту катастрофы.

—Привед комиссию онидался не ранее чем через час-два.

Необходимо было взять себя в руки.

—Примки продолжают,—твердо сказала и себе и поднялся в воздух.

Презлов отношение к происшествию, желанье перебороть растерянность людей, оставшихся внизу, любовь к порученному мне делу цементирован моим волею.

Самолет набрал высоту, зашел на ветер, и я прыгаю.

«Все в порядке»,—думая я, плавно повисаюсь под белым куполом.

Однако в порядке было не все. Когда прибыла комиссия, разговоры среди командиров и летчиков поднялись вновь. Многие опасливо косились на парашют, сбитый с летчика Журавлева.

Парашют, имея тот же вид, как и тогда, когда его надевал Журавлев. Только вытяжной тросик, идущий от козла, был перешителем вышит.

Кт.-то уже сказал о неспроможности парашюта как средства спасения.

Это было ложно, рожденной нервами. (Суждений, с острым лангом, Минов (от первой в Союзе прыжка с парашютом) при-

вода примери из своего опыта, «заидцались мои опытом, однако это не убеждало людей.

Надо было прибегнуть к последнему «аргументу».

Решено было, что Минов или я, не осматривая и не перебирая парашюта Журавлева, сейчас же совершим с ним прыжок. Такое решение вопроса, простое и убедительное, предождали мы сами.

Кто из двух? Надо бросить жребий. Я вытаскиваю из коробки две синчки. Одну на глазах Минова обломал: «Длинная—прыжок».

Потрянуи.

Минов вытаскал короткую. Значит, прыгать мне.

Ни слова не говоря, иду к самолету. «Самолет поднимает меня.

И слова прыгаю.

Парашют открывается, как обычно (впрочем, эту «обычность» и теперь, спустя много лет, я вспоминаю с волнением).

Воля инструктору нужна не только тогда, когда он прыгает сам, но и тогда, когда выпрыгивает другой. Маленькое волнение инструктора передается новичкам с десятикратной силой.

Однажды я проводил групповое сбрасывание молодых парашютистов. Первая группа прыгла хорошо. Выпускаю вторую группу. Первым прыгает инструктор, за ним—парашютист.

Второй, третий исчезают за бортом самолета... Все остальные восторженно смотрят на меня—они сидят в глубине кабины (самолет АНТ-9), и им не видно кабины парашютистов.

Каждый раз я смею за полетом и поднимаю боковой плечом вверх, что значит «хорошо». Это влывает в остальных бодрость.

Итак, наблюдаю за четвертым. Нервы напряжены. Парашютист «отказал»—не выдернул козла... Черный комок стремительно падает... падает...

«Ни одного следа волеания на лице»,—думую я себе и, обернувшись к парашютистам, повторно условный жест «доброе».

И только после этого вижу, как у самой земли взрывается белое облачко парашюта. Оказалось, прыжок самовольно пошел на затяжку.

—Прыгают пятый, шестой, седьмой. Прыгают хорошо и бодро.

Один из показательных прыжков Мошкова.

Воля к победе и безрассудное ухарство—разные вещи. Я никогда не брался сделать экспериментальный прыжок, предварительно не изучив условий прыжка, не подготовившись и не получив разрешения. Так было и в случае с моим морским прыжком.

Дело было в море. Еще никто не прыгал с парашютом в море.

При морском прыжке нужно заранее смириться с полным «одиночеством»: машина—твердая почва—уходит из-под ног, остается лишь парашют, но и его влод покончить, отступить до соприкосновения с водой, чтобы не запутаться в нем как в коврыных сетях. А вперед—морская, холмидная гудьба.

...Приближение воды и ощущение страх, как только отступила ноиние обхваты и отцепила грубую перемечку.

Море, покачиваясь, быстро напозает на меня всей своей громадиной.

Надо спешить.

Я окончательное освобожаюсь от лямки и остаюсь висеть только на руках.

Вода все ближе и ближе.

Руки от напряжения начинают ныть.

Пора! Остаюсь 7—8 метров.

Отпускаю парашют и камнем срываюсь в воду. Вынырнув из холодной глубины, иду парашют: он плывет неподдачку.

Навстречу спешит катер...

Прыжок в море прошел благополучно.

Так постепенно воспитывалась воля. Это не было самоцелью.

Воля пришла была для того, чтобы на своем примере воспитывать сотни мужественных, бесстрашных бойцов, умеющих в любой обстановке крепко держать себя в руках.

Товарищ Косарев очень метко охарактеризовал парашютизм как «благородный спорт». Это глубоко правдиво. Парашютизм благороден, потому что он воспитывает вместе с нашей жизнью высшие качества человека—волю, мужество, героизм.

Советский парашютизм уже воспитал немало людей, способных на великие дела. Они не знают страха.

Внимание партии и правительства к нашей авиации и к авиашку парашютизму, выдавшие награждение лучших мастеров парашютного спорта еще более окрылила волю и мужество миллионов людей, которые готовятся к тридцатилетнему годовщину советской революции, за мировую революцию.

Момент приземления.

Земля М. Афонин

Сцена боя на улице Вероны.

Ю. Нейман

НАШИ ЛЮБИМЫЕ СПЕКТАКЛИ

„РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА“

В XVI веке в Европе рушилась феодальная устоя, открывала старая мораль. Новый класс выдвинул людей смелых и смелых. Вырвавшись стремлений и чужих этих новых людей и нового класса в Англии был Шекспир.

В разное время Шекспира понимали по-разному. Его герои—Джульетта Капулетти и Ромео Монтекапи—считаются по театральным сценкам около трех с половиной веков. За долгие лишь веронским любовникам пришлось пережить немало испытаний.

Лет двести назад Джульетту затолкали в корсет, ее золотые волосы засыпали пудрой. Лет двести назад Джульетте 14 лет, забывая, Ромео склонился перед ней в чопорном поклоне, дерзково взманивая шляпой. Телес била приспособлен ко вкусам времени. В последнем акте Ромео «ворвался на мертвяка», чтобы обменяться с возлюбленной неж-

ными словами. Это несколько успокаивало чувствительные сердца зрителей.

Недавно «Ромео и Джульетту» поставил наш Театр революции (постановщик Попов и Шалевин).

...Пунцового бархата занавес наброшен на сцену сверху как покрывало. Под меланхолическую музыку занавес собирается в тяжелые складки. Перед зрителем лестница—улица Вероны в предутреннем сумраке. Фасады домов Монтекапи и Капулетти стоят грудою друг против друга. Смутат. В глубине сцены, в воротах, немого неба и едва намеченные дома, уходящие вдаль.

Перебравка слуг—шекспировская перебравка, в которой слова отсыкают друг от друга, неожиданно и круто меняя смысл—рабом входит в действие. О вражде двух знатных веронских семей зритель узнает раньше чем появляется представителем этих враждующих домов: Беньюло, друг Ромео, и неистовый Тибальд. Ссора разгорается. Небольшая стычка превращается в уличный бой.

Этот бой удивителен по краскам и общему ритму. Широкая жестина—благодарная площадка для актеров. На ступеньках ее живописно группируются зрелищные. Бой неистов и в то же время вальсичен. Сферизируются, забавляются, хвалятся, хвалятся, намеки развешиваются. Падает первый убитый—белокурый юноша в голубом...

Ярость и заповианность боя входят в расчет режиссера. С первого же акта трагедия режиссер подчеркивает значение среды, окружения—всего того, что в прежних постановках «Ромео и Джульетты» было лишь черным фоном, отбрасывавшим фигури героев.

Это следует отметить. Ромео и Джульетта—не голубы, попавшие неведомо откуда в стаю воронов. Они дети своего времени и города, они Монтекапи и Капулетти, плоть от их плоти, кровь от их крови.

Убийная врага—Тибальда, Ромео послушник гласу крови. Раз зрелища, продвигая Джульетта положила на свою мать. Гатр режиссера сумел показать кровную связь шекспировских героев с временем, с семьей, с городом, и в этом его большая заслуга.

Но Ромео и Джульетта—магические поборники. Они выше тех, кто воспитал их, шире, смелее, свободнее. Главные, они молоды, бесконечно молоды.

Молодость—основная тема спектакля. Молодость, молодая радость звучат в каждой сце-

не, где встречаются Ромео и Джульетта. Зеленые гирляндам оплетают ширмы, заменяющие занавес. Весной и цветами дышит ночное свидание в саду. Режиссер и художник счастливо избежали в этой сцене «попорошности», сладшности. Во многом помогает здесь чудесная игра Бабановой, сумевшей сделать Джульетту близкой и в какой-то мере современной.

Ромео внезапно встречается с Джульеттой на балу, в доме Капулетти. Надетая на лицо маска даст ему возможность прийти в гости к врагу.

Маски окружают Ромео и Джульетту; собачьи и птичьи головы—немые фигуры карнавала. Какой простор для фантазии режиссера, который заботел бы подчеркнуть трагический характер встречи! Но ничего страшного не дает в этой сцене Гатр режиссера. Маски не чудотворны, а забавны, праздничны шум и весел, ничто не сулит беды.

«Злой рок» отсутствует на протяжении всей пьесы. Слова Джульетты о том, что возлюбленный ее блуден и полог на мертвца, воспринимаются как наивный детский страх.

Тибальд Ромео и Джульетты можно воспринять как случайность.

Убий Тибальда, Ромео должен бегать из Вероны, вонючу Джульетту, с которой тайно обвенчались. Родители принуждают Джульетту выйти замуж за Париса. По совету монаха Лоренцо, помогающего юным влюбленным, Джульетта принимает снадобье, усыпляющее ее на несколько дней.

Ромео—заслуженный артист Астангов.

Ее погребают в склепе, куда должен прийти Ромео. Ряд случайностей разрушает план монаха. К Ромео доходит известие о смерти жены и он идет посылу Лоренцо. Погребенный Ромео пробивается в склеп, чтобы умереть рядом с любимой. Там он случайно встречается с Парисом и убивает его. Случайно Лоренцо опаздывает и случайно Джульетта пробивается после смерти Ромео.

Эту цепь случайностей иные из критиков объясняют тем, что в первой своей трагедии Шекспир не овладел еще полностью драматической формой.

Можно дать иное объяснение. Вещная мотивировка смерти героя была для Шекспира безразлична, так как гибель их предопределяла на смысл пьесы. В этом случае на сцену снова выходит рок со своими атрибутами.

Но может быть и третье толкование. Гибель веронских любовников не случайна, но и неизбежна. Она обязательна только для того времени, которое ставит преграды повлечению развитию человеческой личности. Невда стая и время снимают с Ромео и Джульетты их «трагическую вину». Мы воспримем их молодость, их любовь и смелость.

Так читается наша «негладкая повесть» о Ромео и Джульетте.

Джульетта—заслуженная артистка Бабанова.

ТРИ ВСТРЕЧИ С МИЧУРИНЫМ

Это было десять лет назад. В редакции районской районской «Деревенской газетке» из-за шумная ватага безусых ребят. Их вожаком был плечистый человек в очках и сией косоворотке.

— Вот что, друзья, — начал он. — Наша школа решила отметить пятидесятилетие ра- бот Мичурина. Мы хотим на пришкольном участке посадить сад из мичуринских сортов яблонь и груш. Давайте возьмем собою за продвижение мичуринских достижений в ря- занские сады.

Это был учитель ботаники рыбновской шко- лы-десятилетия (Московской области) Федор Иванович Львов со своими учениками. Про него в Рыбинском районе говорили шутя, что он мичуринец больше чем сам Мичурин!

Валок моих садоводов газета приняла. Мы с Иванычем и группой школьников поехали к Мичурину, чтобы посмотреть его чудесный сад.

Вот и Мичурин. Академик Н. И. Вавилов, ехавший в Америку, на воротах садабыл знаменитого американского садовода Лютера Бер- банка прочел такую вывеску:

Иван Владимирович Мичурин.

Один из тех, кто будет продолжать дело Мичурина, — молодой ученый-садовод, ра- ботник мичуринского питомника, комсо- лонец Хасан Еминов.

«Мистер Бербанк знает не менее министров Вашингтона и поэтому почтительнейше просит пубliku не беспокоить его посещениями».

Совсем никак встретил нас Мичурин. На ка- литее его сада, охватывающего серебряной лентой реки Лесной Борючей, также была доска с надписью:

«Мы не можем являть милостей от природы; взять их у нас — была задумка».

Эти замечательные слова Мичурина были целью всей жизни этого революционера науки.

Мичурин любил молодость. Он радовался дето- вре рыбновской школы, приехавшей с нами, лас- вово гавдала по голосе маленькой и говорла.

— Вот хорошо-то, что вы приехали. Давно по- ра все школы страны окружить садами и гонд- никами. Ведь сад — это живая лаборатория при- роды.

Вез устали вода на Ивана Владимировича по зеленому валаем своего сада. За ним бежали две яблоньки им собою- ки. Поступила палкой о землю, великий садо- вод рассказывал нам историю каждого создан- ного им дерева и кустика.

— А почему у вас, Иван Владимирович, яблоня растет на рыбке, и яблоня — на груше? — любопытствовали школьники.

— Иш вы какие любопытательные! — улы- бался старик. — Маляк ли у меня что растет на неподходящем садовом месте. Я горю- ку рыбну сделал сладкой, а грушу «попе- нила» с яблоней.

— Каким же путем?

— Очень просто, — пояснил Мичурин. — Нельзя акклиматизировать (привычить к клима- ту) привозные к нам готовые иностранные и южные сорта яблонь и груш. Они все равно у нас на севере замерзнут или выродятся. Уме- ные это знают. Надо выводить местные сорта из семян лучших южных и иностранных и наших морозостойчивых сортов. Я так и делал. Бегу родичей из уссурийских и сибир- ских диких плодовых растений и скрещиваю их с лучшими сортами юга и заграничьи. А потом из таких гибридных семян я выношу свои новые сорта. Они от диких растений унасле- довали стойкость и морозам, а от южных сор- тов — хорошее качество плодов. Вот в чем се- рет!

В саду Ивана Владимировича мы видели та- кие растения, которых нет ни в одном саду мира. Раньше виноград, персики и абрикосы росла только на юге и в Средней Азии, а теперь они растут у Мичурина под Тамбовом, на севере и в Сибири. Мичурин пересела ра- стения юга на север.

На прощание Иван Владимирович дал юным рыбновским садоводам оккупированной мату- рина (глазки с ветки) от своих лучших я- блонь.

В другой раз мы с Иванычем поехали к Ми- чурину через четные года. Выхаи с собой трех садоводов из колхоза села Горки.

Мичурин встретил нас на терасе своего скромного домика, увитого диким виноградом и цветами:

— А, опять являюци, мои земляки, при- ехали!

Мы рассказывали Ивану Владимировичу об опытах рыбновской школы.

Учитель Львов подробно изложил творду но- вых растений и поведении его аземных питом- цев в школьном саду. Мичурин по-детски улыбался, когда ему сказало, что его сорта коммально чувствуют себя на рязанских зем- лях. Он сказал:

— Да, мои сорта выдерживали суровый экза- мен зимней зимой. Подумайте, мороз дохо- дил до 40 градусов! Значит, мои методы при- вычили. Их Сибиря пишут, что там местные яблонь померзла, а мои сорта у них уцелели».

И Мичурин показал нам сотни анисом от во- лодовских и садоводов со всех концов страны. Писали ему и из-за границы.

Нолхозники-садоводы Московской области в лаборатории Мичурина (снимок 1934 года).

Опыт Мичурина материал наших экскурсан- тов привозным материалом от своих сортов, а осенью прислал в Горки и Рыбное новые саженцы яблонь, груш, и винограда для раз- множения.

А весной прошлого года мне почтительней- шенья в третий раз видеть Иване Владимиро- вича. Я ехал к нему с колхозниками — садо- водами разных районов Московской области.

Завалился дружеская беседа. Мичурин рас- спрашивал колхозников-садоводов, как они выполняли указания тов. Кагановича об окру- жении городов и колхозов колдками семян и колхозников. Колхозники соглашались, что мало еще мичуринских сортов в наших садах.

— А вы не ждите их только от меня, — от- вечал Мичурин, — а сами беритесь за выведе- ние новых сортов на основе моих способов. Да, да, сами! Овладейте наукой селекции и генетики... Вот старость мешает, а то бы и столько наладили нам новых растений, что не только в садах, а и на улицах и по сторонам железных и шоссейных дорог зацвели бы фруктовые и ягодные деревья и кустарники».

И долго еще мечтал вслух Мичурин, бесе- ду с колхозниками о садах социализма.

За эти десять лет, истекшие после нашего первого посещения Мичурина, Козлов стал неузнаваем. Он переменивал в Мичуринск и превращал советской властью в единственный по величине и значению мировой центр научного плодородства. Теперь не одноплод са- довод, а целая сеть плодовых учреждений и десятки ученых ведут опыты с сортами Мичу- рина и изучают его науку. В Мичуринске со- зданы научные институты плодородства, садо- вый вуз, техникум и рабфак, которые готовят большинство племян садоводов-мичуринцев.

Нет уже сейчас нашего Ивана Владимиро- вича. Дарова его чудесного сада тоскуют по своему творду. Но остались гениальные мето- ды Мичурина. Овладеи мичуринской мето- дом, советские молодежь однесит науку соци- алистическую родины в великий парад ба- гатовоющих и цветущих садов.

БИБЛИОТЕКА ГОВОРЯЩИХ КНИГ

Когда мы вошли в лабораторию, на репродуктора посыпалась слова неизвестного языка. Сначала казалось, что это английский. Но из соседней комнаты кто-то громко сказал: — Речь идет об обратном, переводчике ленты.

Это изобретатель Скворцов отдавал распоряжение технику, следившему за аппаратом.

Через минуту мы услышали выразительную русскую речь. Говорил Качев.

Борис Павлович Скворцов сделал около 20 изобретений. Особенно интересно одно из последних его изобретений. Речь Качалова, которую передавал репродуктор, воспроизводилась с бумаги.

Скворцов одарил речью самую обыкновенную белую бумагу с нанесенными на нее черточками.

Тудаюмы из Комитета по изобретениям долго не хотели признавать «говорящую бумагу». Тогда, в период борьбы за свое признание, «говорящая бумага» ввела оладьями в заблуждение секретаря тов. Орджоникидзе. Лабораторию Скворцова соединили по телефону с Наркомтипомром. В этот момент аппарат в лаборатории передавал конец одной речи тов. Орджоникидзе, записанную из бумаги. Секретарь наркома поднял трубку и услышал голос Серго.

Нарком кончил.

— Услышу, тов. Орджоникидзе, — сказала секретарь в трубку, думая, что его ждет нарком.

Вот насколько чисто передает аудионизю голоса «говорящая бумага»!

В звуковых кинофильмах и тонфильмах звук записан на пленку.

Запись звука на пленку держится непрочно. Пленка быстро изнашивается, рвется. Она осыпается и к тому же очень дорога. После каждого просмотра пленка повреждается и уже нельзя.

Еще недолгое время назад передавал в репродукторе повелевался специально шумов, что слышать становится неприятно. Тонфильмы для шкел, клубов и тем более для личного пользования из-за дороговизны недоступны. Поэтому мы не имеем до сих пор записей узко специальных передач, уроков иностранных языков, литературных произведений и др. Иное дело — «говорящая бумага». Это изобретение означает переворот в методе культурно-просветительной работы.

Со времени появления звукового кино мы знакомы с зигзагообразной линией, изображающей звук на краю киноленты.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Записи, сделанная по системе инженера Шорина, оставляет на прозрачной пленке четкий рисунок толщин. Чем тоньше и длиннее черта, тем выше звук. А чем короче и толще, тем звук ниже.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Записи, сделанная по системе инженера Шорина, оставляет на прозрачной пленке четкий рисунок толщин. Чем тоньше и длиннее черта, тем выше звук. А чем короче и толще, тем звук ниже.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

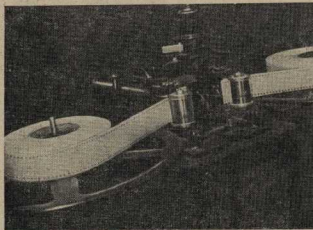
Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Звук на киноленте записывается так: артист говорит в микрофон; в микрофоне звуки превращаются в электромагнитные колебания; электрический ток равной силы дает и световые лучи разной силы; эти лучи и отражаются на киноленте; под действием лучей на светочувствительной эмульсии пленки остаются значки. Это фотозаписи звуков. Их можно услышать.

Борис Павлович Скворцов.

Лента пущена, и мы слышим голос профессора.

Острый как тончайшая игла луч света в звукоиспользующем аппарате освещает зигзаги. Проходя сквозь зигзаги, луч падает на фотопленку, обладающую способностью под действием света давать электрический ток.

После фотопленки, заключенного в лампу, покрытой тончайшим слоем металла (целия, калия или магния). В это поле включается ток. Сейчас поле фотопленки можно сравнить с дорогой, покрытой толстым слоем пыли. Так же, как пыль, скачет электроны. Станут подуть ветерку, и пыль клубится столбом. Чем сильнее порыв ветра, тем выше поднимается пыль. Роль ветра в безвоздушной лампе выполняет луч света. Тончайший лучик поднимает туни электронов. Они поднимаются с целиевого поля и ищутся к спиральной проволоке, протянутой посреди лампы. Образуется своеобразный мост из электронов. По этому мосту молнией проскакивает искра, проиводит электрические колебания. Звук от этих колебаний чрезвычайно слаб, но его усиливает ламповый радиоприемник.

Скворцов в своей аппарате поставил фотозапись на одной линии с объективом, как в описанном выше случае, а сбоку и системой зеркала послал в него луч. Прозрачность пленки благодаря этому оказалась ненужной: пленку заменила простая бумажная лента.

С целью избежать сложностей изготовления производят отпечатки на литографической камне, так называемое фотолито. Зигзаги звуков печатают в литографии с камней на простой бумаге. Этот способ размножения «говорящих бумажек» средним листу заменяется с киной.

Научно-исследовательский институт полиграфической промышленности уже спроектировала специальную машину для печатания целой 300-метровой ленты «говорящей бумагой». Она производит бумажный лист размером 40 см шириной и 25 см высотой.

Звуковой фильм имеет только одну звуковую дорожку. Остальная часть пленки не используется. Если сделать две дорожки, то вместо 50 раз тонфильм можно будет пропустить лишь 25 раз. Иное дело — бумажная лента. Прокатывается между перематывающими ее валиками, она не изнашивается, а, наоборот, утяжеляется и газуруется. Одну ленту «говорящей бумаги» прокатывают уже 10000 раз, и она звучит так же хорошо, как вычале. Это позволяет на бумажной ленте делать не одну — две, а восемь и даже десять звуковых дорожек. При этом ленту можно будет пропускать 1000 раз, и она окажется прочнее любой киной.

Попробуем подсчитать. Аккуратный читатель возвращает в библиотеку книгу через три недели. Чтобы книгу можно прочитать тысяча человек, нужно 10 лет ее непрерывного оборота. Никакая книга не выдержит такой тяжелой жизни.

Теперь возьмем «говорящую бумагу». На рукою нормальной ширины (35 миллиметров) и длиной в 340 метров пробегут 10 звуковых дорожек. Вяз домю такую катушку, мы получим в аппарате звучание в течение 2 часов. Мы сможем дома прослушать целый спектакль, заседание или лекцию. Это же передача старым способом потребовала бы 30 граммовых пластинок.

Наше правительство отметило огромную ценность изобретения Скворцова. «Говорящая бумага» произвела речь в свою защиту на заседании Совнаркома СССР. Совнарком постановил создать все условия для распространения «говорящей бумаги».

«Это будет очень скоро. Мы пойдем с вами в библиотеку говорящих книг, возьмем урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

— Товарищи, будем заниматься! — скажет один из нас, открывая портфель и доставая урны английского языка и оперу «Кармен».

Так работает аппарат Скворцова.

ИСКУССТВО СКОРОСТНОГО ПЛАВАНИЯ

Я родился и вырос на Волге. Плавать научился еще малышом. Переплыть Волгу несколько раз подряд для меня ничего не стоило. Случайно пришлось выступить на первенство города Горького (Нижнего Новгорода), и я, плавая на боку, пришел первым. Но мой познания в технике плавания были тогда очень мизерны — в этом я скоро убедился. На соревнованиях — там пришлось совершить повороты, я отстал от своих противников, заняв третье место в заплыве на 400 и 1500 метров. И только одно первое место вала в заплыве 300 метров на бок.

После этого я начал по-серьезному изучать технику «кроля». Бывало так: на берегу стоят мои товарищи, я бросаюсь в воду и плыву, а закончив дистанцию, спрашивают:

— Гривает? Красиво?

Я уже тогда начал догадываться, что правильный стиль должен быть обязательно принятый для гаява.

Вскоре я поехал в Париж со сборной командой СССР. В Париже я внимательно наблюдал за работой мирового чемпиона плавания — Гари Меня по поводу расслабленности движений французского пловца. Казалось, что он так шевелится в воде, весь отдаленно течению. Но он плыл с невероятной быстротой. Вероятно, плываю так и кипела белая пена. Я решил выяснить, как устроится Гари совершать расслабленность и мягкость движений с такой интенсивной работой мышц. Но ведь под водой не залезешь! И вот по разным мелочам: по тому, как была повернута голова пловца, как двигался руд, — я начал мысленно воссоздавать систему Гари. Я пришел к выводу, что за мягкостью и расслабленностью движений скрывается мощная работа всех мышц в момент гребка. Расслабляя мышцы, Гари в следующий момент с огромной силой бросался вперед. Искусство заключалось в умении чередовать расслабление и напряжение мышц.

Пловец может хорошо работать руками и ногами. Для успеха ему нужно идеальное сочетание всех движений. Нужно так согласовать движения, чтобы работа рук не тормозилась работой ног, а поворот головы не задерживала движения. Как чувствует себя непрерывный «кредит»? Ему кажется, что части тела работают у него разрозненно: ноги шевелятся сами по себе, руки беспорядочно хлопают по воде, а дышать он совсем не успевает, тол-

ко откроет рот, как там уже полно воды. Конечно, в такой резкой форме нетренированный будет только у совсем молодого пловца. Но даже самая невзвешанная несогласованность движений у опытного пловца лишает его шанса на победу.

Очень важен для пловцов тактический расчет сил. Бывает, что пловец с прекрасными возможностями проигрывает только потому, что не сумел выдержать дистанцию, т. е. раздалит свои силы так, чтобы хорошо пройтá каждый отрезок времени, а не только первые секунды.

Надо также научиться правильно делать повороты. Обычно длина бассейна — 50 метров. Для того чтобы проплыть самую короткую дистанцию — 50 метров, — нужен один поворот, на дистанцию в 100 метров нужно три поворота и т. д. Необходимо тренироваться так, чтобы повороты были козырем пловца. Вот пловец подойдет к концу бассейна. Опираясь одной рукой о стенку, нужно повернуть на голову тупая, как бы вернуть своей ос, отжаться от стены ногами, выгнать на этом зонта бы десную долю секунды и продолжать дистанцию. Этому искусству я учил, в частности, моего ученика — Клавдию Алешину, которая стала впоследствии лучшей «кредитной» страны.

Вскоре мне предстоит серьезное испытание: я надеюсь в борьбе с первыми проплыть 200 метров меньше минуты. Для этого я продолжаю изучать свою технику, свой стиль.

Мне еще далеко до совершенства, но я уже-уже убежден, что только пловцы, всесторонне осмысливший свою тренировку, могут пережить мировые рекорды буржуазных спортсменов.

Александр Шумин

Родился я в Ленинграде, в рабочем доме Невской ипотечной фабрики — теперь фабрики им. Кирова. Моя мать проработала на этой фабрике 35 лет, она член партии. Сама я родилась в 1926 году. Физкультурой занимаюсь с 11 лет. Особенно увлеклась плаванием.

Тренировал на воде начался тогда, когда я записалась в ватерполовую команду нашей фабрики. Тренировалась в бассейне. Разучивая движения ног, плавала с вбитыми перьями руками. Потом начала разучивать движения рук. Но в это время были у меня спазмы. Как требовал тренер. Как ты ходила от зной по кафельному берегу бассейна, запрещая память на скорость и неустанно исправляла мои ошибки.

В мое сознание глубоко врезались законы отбеганности, координации движений, техники дыхания, ритма. А дыхание и ритм в скоростном плавании — самое главное. Тренер заставлял меня выдыхать воздух быстро, а выдыхать в пять раз медленнее. Он не переставал развешивать огромную важность расслабления мышц перед гребком.

Целый год я упорно тренировалась, не выспавшись и сорванная. А тело рвалось на части, сердце жаждало спортивной борьбы.

Однажды тренер заставил меня плавать на спине. Я не любила этот стиль плавания, но уступила требованиям учителя и проплыла на спине несколько бассейнов. Какое же было изумление, когда тренер сказал, что я меня буду лучше получать на спине чем на груди! Вскоре я убедилась, что он прав.

Наступила долгожданная минута соревнования. Мы трое соревновались между собой, а также с двумя своими конкурентами. Но я дрожью, стоя на месте, и, только бросившись в воду, успокоившись и беру себя в руки. Заплыв был на спине. Я легко опердела своих конкурентов и установила свой первый ассоциативный рекорд на 100 метров.

С каждым соревнованием я улучшала время своих рекордов, сбрасывая то две, то три, то

Клавдия Алешина — всеюссоный рекордсменкой по плаванию.

пять, то десять секунд. Но мой тренер не переставал твердить: «Это еще не результаты. Рекорды ваши вперед, а сейчас вам нечем еще похвастаться. Вот когда вы будете мировой чемпионкой — я для этого у вас все дам, тогда я вас поздравлю от всей души».

Слова моего учителя суждено было сбыться. 6 мая 1934 года в Москве я вышла на старт на 400-метровой дистанции. Мои противники от старта отказались. Я пошлаю одна.

Плыву, стараясь сохранить ритмичность и плавность в движениях. На поворотах мой тренер сообщает мне время каждого заплыва. Иду быстрее всеюссоного рекорда. Но о мировом результате нет и мысли.

Бассейн за бассейном отрицательно влиял. Хорошее настроение не поведает меня. Плыть — одно удовольствие. Тренированное сердце подталкило на резкий темп. Все ближе финиш. Учащаю движения. Плыть становится труднее. Но настроение поднимается. Словно по бокам плывут мои конкуренты.

Последний поворот. Быстрый заглаз на человека, которому обязана своими успехами. Он что-то кричит. Но в этот момент, набрав воздуха в легкие, я ужоу в воду и, возвращаясь все тело как рыба в аквариуме, сильно отталкиваясь ногами от кафельного берега. Вдохнуть неестся! Давать! Я работаю полным темпом, перестав соблюдать закон плавания и ритма. Но это ведь спурт! Запасы энергии и ритма. Брызги заливают лицо. Я касаясь рукой платок бассейна и в ту же секунду слышу вальсующий голос моего тренера: «Есть мировой рекорд!»

Радостная, выжуху из воды, учитель меня долучет. Он имеет на это право: он мой товарищ, мой тренер и мой муж.

Я проплыла 400 метров на спине в 6 минут 7,2 секунды, любил официальный мировой рекорд англичанин Бридж — 6 минут 12 секунд.

Но на следующий день приходит сообщение, что голландская чемпионка Мастерборг проплыла 400 метров на спине в 6 минут 5 секунд. Мой следующий рекорд будет меньше 6 минут. Это я надеюсь выполнить в этом году.

На воде я стремлюсь двигаться эластично, мягко и ритмично. В нерабочие моменты расслабляю отдельные группы мышц, включая спину. Это — основное в технике.

Нужно ли добавлять, что человек, которому и обязана своими успехами, — чемпионка СССР Александр Шумин!

Клавдия Алешина

Александр Шумин — заслуженный мастер спорта.

Шота Руставели

Поэма Руставели «Носивший барскую шкуру» относится к числу величайших памятников мировой литературы. Ее можно поставить рядом с такими произведениями классического эпоса, как «Шах-Намэ» персидского поэта Фердуوسی, «Кисс о Розабел» и другие. Народные песни Грузии — сазадары — растут как слезы на темы знаменитой поэмы. Отдельные строки ее превращались в народные пословицы.

И не даром советская Грузия усиленно готовится к юбилею Руставели, со дня рождения которого в 1937 году исполняется 750 лет. Вместе с Грузией к юбилею поэта готовятся братские народы всего Советского союза.

Родился Руставели в последнюю четверть XII века. Его имя — Шота — сокращение от Ашота. Оно не христианского происхождения, его нет в христианских святцах. Происходит оно, по всей вероятности, от наименования ивониня Армаза, т. е. Агураманды, персидского солнечного бога. Руставели же происходит от названия селения Рустави (около Ахалциха), где родился поэт.

Предание говорит, что Руставели была сыротой. Воспитывал его дядя — монах. После первоначального обучения в приходской школе он был послан для завершения образования в столицу Греции — Афины.

Поэма Руставели носит явные следы греческого влияния. Руставели был знаком с поэзией Гомера и с философией Платона. В его поэме есть цитаты из произведений этих великих творцов. О знаниях им риторики и поэтики — двух важнейших предметов древнегреческого преподавания — свидетельствует непринужденное mastery форм поэмы, «изысканная сладость» музыкально разнообразного и ритмически выразительного стиха.

Есть сведения, что поэт Греции он побывал и в Иерусалиме. Затем вернулся в Грузию. Здесь он попал в блестящий двор могущественной и красивой царицы Тамар, имя которой также окружено легендами. Он был ее приближенным и канцелярщиком. Это подтверждается подписью Руставели на одном из офи-

циальных актов того времени.

Эпоха царицы Тамар (1184—1212) — эпоха подъема грузинского царства. Объединившись от своих завоевателей (арабов и турок), оно добилося на основе феодальных отношений государственной самостоятельности. Выросла культура.

Образ Тамар возвышался и воспевался многотомными поэтами. Для них она была «солнце незаходящей красоты», «лауре познаний», «милосердие и смирение» и «чуждые глумленью». Тысячи пышных витиеватых восточной поэзии ристачан о ней той, которая «победителей сразила», «из края в край над с победой».

Руставели также писал знаменитым одам в честь прославленной царицы. И близость к ней — близость по должности — не пропала для него даром.

Нарядная мода приписывает ему беззаветную любовь к Тамар. По одной версии, беззаветная любовь вставила его и удавить в Иерусалиме, где он кончил жизнь в мрачной и сырой монастырской келье.

Другая легенда также связывает возникновение поэмы и смерть Руставели с любовью к царице, но рассказывает об этом иначе. По той легенде, Руставели, заволеваемый в царств, женился на некоей Нине. Однако вскоре после свадьбы он получил от дамы «делового поклонения» предписание — перевести на грузинский язык литературный подарок, поднесенный ей любезнейшим персидским шахом. Руставели блестяще выполнил приказание: этот литературный подарок и есть его поэма «Носивший барскую шкуру». Через неделю был найден обезглавленный труп поэта, подарившего Грузию гениальное творение.

Третья легенда о Руставели — поете и рыцаре — говорит так:

Руставели окончил свою поэму. В ознаменование этого события была устроена блестящая свадьба. В нем принял участие храбрейший воин, лучше названный мушкетером и пойте. На турнире присутствовала и царица Тамар, окруженная свитой заваловров и дам.

Герою праздника была Руставели. Он обнаружил все свои несравненные качества: проксидит ал дитятовика — Руставели оказался лучшим из всех; проксидит ал иростяние в игре на тарн — Руставели и здесь победитель.

После раздачи первых наград царица приказала вестникам объявить, что «посажденно и самою дорогову нагару — золотой венча — получат тот, кто промнит стрелой яблоко, которое она будет держать в своей руке. Проносся рогом, званыйм ослепшим, что невиру пуленды стрела может разить пали даже ибни царю. Лучные стрелки из лука, пощещавшись, пали перел ней на колени, прося ее не подпергать себя опасности и отменить составление пали простить им, если они откажутся от участия в нем.

На все это царица умалбась отменяла: «Тут

Портрет Шота Руставели (фрагмент на ахмелеуе худ. И. Чернышова).

никого дерева, никакой опасности. При умении и желании задуче лето вымолвить». Стрелки попрережму просили отменить составление. И тогда выступила вперед Руставели и сказала: «Возьми, государыня, в руку твое яблоко: я решаю прозвонить его моей стрелой».

Положив я в царше, от левой рукой придержала яблоко, а правой воткнув в него стрелу и промиза высково. Царица выпустила яблоко из рук, и Руставели высково поднял его на своей стреле. Только тогда все поняли, что царица задала загадку, которую Руставели умно и быстро разгадал.

У Руставели было высокое представление о назначении поэта. Поэзия для него — прежде всего «отраза мудрости». Обширному кругу она позволяет замалчить в краткую речь — вот почему поэзия прекрасна. Но вместе с тем поэзия требует величайшего содержания, монументальной формы. «Мелкие и несовершенные стихотворения — уда поэтов, бесцельных отлить мысли, проносяющие сердце, в совершенные формы. Я уподоблю такое стихотворение жалкому луку молодых охотников: крупоно зверю им не поможить — они могут быть лишь мекую дичину», — говорит Руставели.

В его поэме тысяч строк. Начинается она со сцены пира при дворе царя Аравии — Руставели, который, чувствуя приближение смерти, передает царскую власть дочери Гюстану.

В первом сказе (главы поэмы называются сказами) Руставели блестяще описывает бит восточных царей. Пишность пира, оота, составление в стрельбе из лука — все это служит поуте материалом для ряда поэтических картин. Здесь же мы узнаем о любви молодого витязя Ахиландиа (вобещающего старого царя в стрельбе из лука) к новой молодой царице Гюстану.

Во время состязаний старый царь увидел странного витязя.

«Схватив барса, Таризел начал раздирать его руками».

«На опушке, над потоком, в тоскованье
одном,
Странный витязь был в глубоком размышле-
енье над рекой.
За повода вороного он коня дожда, и слова
Слезам алаях из него сердца, святого
тоской.
Как небесными звездами, все силой мечутами,
Маяли искрами огнями и дождями и снегом.
Была, как лев он, по стеклам слезы, полные
печали,
По щекам, где рот вяли, а не искривлял
уста,
Был в кафтан одет он бурый, острый —
барсовою шкурой,
И сидел он так, похурый, в шапке барсовою,
склонясь...»

Расскази, торговец, индийскою востн...»

«Кто ж этот странний печальный витязь? Царь желает узнать это и посылает раба с пригласением витязю явиться к нему. Витязь промывает слезы и не слышит приглашения. Тогда царь посылает двенадцать вооруженных рабов — трижды его силой. Витязь исчезает на своем вороном коне. Мучительное доблество овладевает Ростоваком. И он и Тинятин просят Антадилла развязать таинственный витязя. Антадилла с радостью принимает предложение в честь любимой им Тинятины. Он отправляется в путь. Долго он странствует, прежде чем найдет на скале витязя в барсовою шкуре. Вместе с девою Асмат живет витязь в отдаленной пещере.
Завоевав расположение Асмат искренностью своих намерений, Антадилла с ее помощью вымывает на откровенность Тарналя, витязя в барсовою шкуре, и тот рассказывает историю своей жизни и своей любви к индийской царевне Нестан-Дареджан. Тарналь явил при дворе своего отца — вассала царя, подвластного властие Иллиди.

«Сиваный лев и словец вглядом, была влад-
леяя райским садом,
Провалася я отрадам: страем, мек и бег
кой,
С тетивым стрела летела — бездумно было
тело
Птицы ль, зверя ль. И смело пошла я в
чужь мячоч...»
Этот смелый и сильный витязь глубоко по-
любил прекрасную Нестан-Дареджан, увидев ее
в первый раз, когда пришел к ней поднести
добочу.
«Сравнявший сам кражею. От сильной
любви он заболел. Царевна узнает о его
любви и обращается к нему с посланием:
«Асл! Ты расени. Рану скорю.
Яв! Твои гаси в мяеце. Не навяжу рас-
сабляеце.
...Тоскованье, помпранье — это ль страсть,
любви дельце?»

«Посмотрел на девушку — и весь был
облет любовью...»

Лучше — той, к кому пылаешь, мощь свер-
шения яви.
С Кхазветам ждем мы данн. А они, такс
И в азовале, ищут брани. Эту череду
оборван.
И обрадованный Тарналь готовится к подвигу
во славу своей возлюбленной. Он побеждает
завтраков. Тем временем он узнает о похищении
любимой им царевны. Этого и повергает его
в отчаяние, которое заметил старый царь-отец
Тинятины, посланный к Тарналю Антадилла.
После этого Тарналь вместе с Антадиллом и
другими витязями, Филоном, приступает к освобо-
ждению Нестан-Дареджан из крепости, в кото-
рой она томится. Друзья замыкают боевой
союз. Они освобождают княжну. Они побежда-
ют также завладевшего — народ, протеснивший
родину Тарналя. Поэма заканчивается описанием
брама между двумя любимыми парнями: Антадиллом
и Тинятиной и Тарналем и Нестан-Дареджан.
Любовь является стержнем поэмы. Соответственно, вся поэма — это лирическое стихотворение,
одна прозаическая солнечным лучом любовная
песня. С огромной силой рисует Руставели страдания
несчастливой любви. Вот Тарналь,
вспоминающий о своем горе:

«Стал готовиться он к речи. Растетнулася
Наги плечи,
Была, как солнце, что далече, с потухающей
зарей.
Роза ут свергнуть бессильна. Губы слаты.
Вскрикнула. Слезы лет обомало. Блестящий
овет бежит струей.
Простонала: «Любовь! Родная! Мысль моя!
Виденье рай!
С древа жизни ветвь живая! Чьей ты срезаешь
рукой?
Сколько раз воспламенилось, сердце, ты! Так
больно былось,
Как же не испепедалось до сих пор в борне
такой?»
Этот не выдуманная, идеализированная ри-
царская любовь. Это — живое, всепоглощающее
чувство.

Сами образы героев жизненны, реалистичны.
Вся поэма пронизана благородством, волей и стремле-
нием к победе. Не даром Тарналь вошел в
народный эпос, который сделал из него сына
народа, беспощадного в борьбе с его угнетате-
лями.

О большой содержательности поэмы говорит
не только изображенные поэтом герои, но и
его глубокие образы. В них Руставели дей-
ствительно обильные мысли выражает в крат-
кой форме. В них живет гений Руставели, опре-
деленного свое время. То он внушает («особенно
близко рабов», то провозглашает равенство
полов, выражая чрезвычайную смелую для сво-
его времени мысль: «Порождение льва является
львом, какого бы пола оно ни было». Руста-

вел призывает к щедрости: «Что ты спиришь,
то пропав; что ты отдашь, то твоо — к
мужеству и решительности: Мужай трудное де-
яние совершишь без колебания», — к верной
дружбе: «Посвящая брату силу, должно смерть
принять, могола и т. д.

Высокое уважение любви Руставели к женщи-
не. И сущность любви для него заключается
еще не в увлечении эрической красотой.
О мудрости и разносторонности великого
поэта говорит тот факт, что Руставели с ога-
наковой любовью изображает также различную
национальную.

О широте его мировоззрения свидетельствует
и то, что в эпоху повышенной религиозности
он ничего не говорит о христианстве и ироди-
зирует как мусульманством. Может быть, этим
он является преследованием, которому натолкну
Иванн подал. Руставели еще при жизни ца-
рицы Тамар? Иванн расценил поэму как свя-
щенного христианского смиренного сочинение
простого характера. В XVIII веке было сожено
несколько экземпляров поэмы Руставели, от-
печатанных в 1712 году царем Вахтангом
XVI. Так место, удостоенное непокорному
поэту.

«Славу гений, не дамена бала в грузин-
ские и строки», — писал Руставели. Возможно,
что сюжетную схему — делком или частично —
Руставели почерпнул на персидской поэзии.
Однако до сих пор не удалось найти персидско-
го произведения, которое могло бы послужить
оригиналом для Руставели.

Сравнение жизни царичи Тамар с событиями,
изложенными в поэме, дают основание
думать, что именно она явилась и лице ца-
рицы Нестан-Дареджан, к которой Тарналь
проникнул глубокой любовью. Руставели толь-
ко перечисляет деяние в далекие местности — в
Индии, Аравии, Китае, чтобы скрыть свою
любвь, «от которой нет лекарства».

Вопрос о происхождении поэмы прежде всего
интересен для установления одного из фак-
тов биографии поэта. Если в его оде не видеть
обычного придворного преувеличения и
рицарской любви по отношению к цариче,
то надо признать факт его любви к ней.
Та сила, с которой Руставели изображает
любвь в своей поэме, говорит о том, что он дей-
ствительно испытывал сильное чувство к ца-
рице Тамар. А если это так, то становится
вероятным и его отезд из Грузии из-за нераз-
деланной любви и смерти на чужбине. Полу-
чают оправдание народные легенды, состоящие
в образе Руставели прекрасного влюбленного и
генерального поэта.

Может быть, действительно любовь пробудила
гений Руставели. Но его гений обессмер-
тил любовь и послужил причиной народной
любви к поэту.

Говоря словами академика Марра, Руставели
вошел в историю литературы как творец
мировой ценности в местной, областной истории.

«Странний витязь был в глубоком
размышлении над рекой...»

МЫ СВОБОДНЫЕ ВЕЧЕРА

Редация «Смени» обратилась к группе молодых людей различной квалификации: к молодым рабочим, служащим, студентам и инженерам — с просьбой рассказать, как прошел один из их свободных вечеров.

Нижле мы печатаем ответы товарищей на нашу анкету. Успешными оказались просьбы свободное время по-разному. Читая их рассказы, видишь, как повисла культурный уровень, какие новые вкусы и привычки появились у нашей молодежи. Это организованность, умение распорядиться досугом, заинтересованность и веселье.

Любо не спорить, высказавшись, эти вечера — лучшее образование, редкая все же возможность, что они могут послужить примером для той части молодежи, которая еще не знает, как употребить свободное время.

ТРЕНИРОВАЛСЯ В СПОРТЗАЛЕ

ВИКТОР СТЕПАНОВ,
членом СССР по боксу, 21 год

И студент Электромеханического института инженерной транспорта. До 4 часов я занимаюсь в Институте. Как раз в этот день мне пришлось за полчаса сдать зачет по английскому языку. Достался, как говорится, основательно, пришлось много поработать, но зато сдали на «хорошо».

Уже около 4 лет занимаюсь в свободное время боксом, как достиг такие некоторые результаты.

Сразу же после зачета я пошел в спортзал и уже ровно в 4 часа присутствия в тренировке. Тренировка боксера требует быстрых и резких движений.

После умственного напряжения в Институте тренировка как нельзя лучше помогает развиваться, ибо, как известно, нет лучшего отдыха чем μέσα умственного труда физическим.

После тренировки я мастеровал и принял душ. Кровь быстрой потекла в жилах. Я решил еще сходить на стадион.

На стадионе я встретил знакомую девушку. У меня все основания быть довольным проведенным днем, ибо зачеты были сданы хорошо, тренировка прошла не хуже, погода была так же хороша. Мне с девушкой решила пойти погулять. Прошла мимо кино, увидела, что идет новый фильм — «Совершенолетие». Взяли билеты. Картина понравилась. Сеанс кончился в половине одиннадцатого.

Ровно в двенадцать я уже спал, чтобы на завтра по обязанности встать в 8 ч. 30 м. вполне отдохнувшим.

СЛУШАЛА «КНЯЗЯ ИГОРЯ»

МАРИНА ГОЛОВА,
членом конструктор
Липецкого завода, 21 год

Этот вечер был проведен удивительно хорошо! После работы я собралась пойти домой, где меня ждали некоторые дела.

По дороге решила зайти в заводское бюро физкультурного, узнать спортивные новости. Там встретил знакомую парня, который предложил мне пойти в Большой театр на оперу «Князь Игорь».

Ехать в рабочем платье в театр было неудобно. Мы договорились, что сейчас разбежимся по домам и встретимся уже в зрительном зале. Он мне дал билет, предупредил, что билет не слишком опоздать.

Я надева свой новый толстый джемпер, но мне, видимо купленные туфли и слишком спортивную юбку.

Места у нас были очень хорошие, в ложе бениару.

Все три действия мое внимание не на спектакль не отбавляло. После второго зрительница как-то ждала домой уходить. В конце «Князь Игорь» вызывает восхищение: и музыка, и декорации, и пляски, и акт артистов! Возможно, что мой отъезд через три четверти восторженней, но я думаю, что в Большом театре я видел вещей больше, чтобы не забыть.

УЛЕВШАСЬ ЧТЕНИЕМ

САМУИЛА ВДОВЕЦ,
инженер проектного бюро
«Костромострой», 23 лет

В этот вечер в нашем учреждении шла сдача норм на «СОО».

После ужина я пошел домой — в 3-й студенческий городок, что на Всехсвятском. В комнате со мной живут два товарища. Работа усилению готовится к зачетам. Я стараюсь не мешать. Но на этот раз из дома не оказалось, воспользовавшись этим, и начался радиоприемник. Из Большого зала Консерватории транслировался симфонический концерт. С наслаждением слушал мятную ариюку Шумана, торжественные раскаты бетховских мелодий.

Узнав, что и дома, в комнату стала заходить студенты, слушающие зачеты. В течение часа я помогал им, консультировал, проверял раскаты.

Когда ребята ушли, сам занимаюсь. Моя работа требует знания валеаторов. В Институте я не получаю о них достаточно знаний, ибо они не имеют прямого отношения к моей специальности. Но я сам хочу основательно изучить эти дела. И вот берешь книгу, садившись за стол и не вставши, пока не поработашь как следует с предметом интереса.

Читал и читал. В такте «Криная звезда» печатаются большие выдержки из вышедшей по Франции книги американского летчика капитана Рене Фонк «Мои воздушные бои». Это книга военного характера: а лет Фонк рассказывает о своем участии в империалистической войне. За четыре года он сбил более 120 немецких аэропланов.

Я собрал эти выдержки и решил их прочесть сразу, чтобы не прерывать единой линии впечатлений. Фонк рассказывает много интересного, приводит оригинальные примеры военной хитрости, сложные военные операции и т. д. Этот вечер не прола даром. Вообще я глубоко убежден в том, что в наше время каждый попусту затраченный вечер — преступление перед самим собой.

МЕЧАЛИ О БУДУЩЕМ

ЛЕВ ЦЕЙТАН,
студент Химико-технологического
института им. Менделеева, 24 лет

Сейчас я прохожу производственную практику на химических заводах. Старую использовать каждую свободную минуту для пополнения своих теоретических и практических знаний.

Но в этот вечер и соблазнами довольно равно. Сразу же пошел домой. Я выписываю «Правду» и «Известия». Обычно внимательно их прочитываю. Люблю читать переводные «Правды», умные, написанные простым и легким языком. Внимательно также прочитываю и иностранную информацию.

Я изучаю французский язык и потому, кроме центральных газет, с удовольствием читаю французскую газету, выходящую в Москве — «Журналь де Моску». Там бывает много интересного. Так например я прочел в «Журналь де Моску» отрывки из четвертой части романа М. де Саломе «Тяжелый День», которые в русской печати еще не видел.

Все это заняло у меня часа три. Так как предвидение дня я уславно вечерами занимаюсь, то в этот вечер я считал себя вправе пойти просто погулять по улицам Москвы с одним из моих друзей. Много говорили о будущем, о ребятах, об учебе, о речи товарища Сталина. Мой друг кончил институт; он получил звание дипломированного инженера — я мы живо обсуждал его дальнейшие перспективы как в работе, так и в личной жизни.

ВЫСТУПАЛА НА СЦЕНЕ

ШУРА КУЗЬМИНА,
поляр медицинская мастерской
завода «АТЗ», 23 лет

Я занимаюсь в гимнастической школе при нашем заводе. Там мы разучиваем целую систему очень пластичных, красивых движений по специальной программе. Некоторые наши движения так хорошо делают отдаленные номера, что, пожалуй, другая труппа цирка позымает.

В этот вечер школу пригласили выступить на большом обкомском физкультурном вечере, который состоялся в Колхозном зале Дома союзов. Каждой из нас было лестно выступить перед массой молодых спортсменов.

Нас выступало девять девушек. Думала, что будем волноваться, но все прошло гораздо лучше, чем можно было предполагать. Зрительный зал встретил нас приветливо. В течение десяти минут нам около того мы показывали различные позыные движения.

Аплодисментов было много, но лично меня это выступление не совсем удовлетворило: мы хотели показать новые, более красивые и художественные. Но ввиду отсутствия времени, по случаю нас так, что наш выступитель уезжал и не успела нас в должной мере подготовить. Все же прошло неплохо. Особенно было приятно, что в этот вечер в Обкомском зале присутствовали многие мои товарищи и подруги по работе.

С ЖЕНОЙ И СЫНОМ

МИХАИЛ СМЕРНОВ,
слесарь Липецкого завода, 26 лет

Моему сынишке Лене скоро исполнится 3 года. У моей жены работа на заводе. В наше отсутствие с ребенком остается я.

Я часто парню, занимаюсь на рабочих курсах пропагандистов. Веду общественную работу в доме. Времени уходит странно много, и свободное в будни — больше редкость.

Но вот у меня выдался свободный вечер, и мы всей семьей отправляемся в Измайловский парк. Одежда по-прежнему. В парке, на зеленой полянке, выбрали место поудобнее; и поставили лавку; и мы расположились, так сказать, семейным лагерем.

Я вычитал с собой «Правду» и книгу Шолохова «Поднятая целина». Пока читал, жена играла с ребенком. Затем сынишка подошел ко мне, взобрался на меня как на верховую лошадь и заставил катать себя.

Когда это наконец-то кончилось, я вырезал ему перочинными ножницами на куске дерева подобие настоящего рубца.

Сын игрался сильно понравился.

Получив восторг из моего прозвонив, пошам погулять по аллеям парка — мальчик в середине, а по бокам и я, жена, держу его за руки. Посмотрели, как на площадке выступают масовские, послушали гармонистов.

Когда стемнело, мы уехали домой.

Записал И. Башмаилов.

К потерпевшему аварию самолету причадили на аэродроме комсомольцы-зимовщики («Семеро смелых»).

Повар зимовки принес на аэродром улетающим товарищам пиронки, но олоздал («Семеро смелых»).

ГЕРОИКА БУДНЕЙ

Водолаз Панов (заслуженный артист Баталов) перед спуском под воду («Сокровища погибшего корабля»).

«Семеро смелых» и «Сокровища погибшего корабля» — это названия картин, которые сейчас снимаются на орденской фабрике «Ленфильм».

Шесть комсомольцев и одна женщина зимуют на отдаленном острове Полярного моря. Трудной день на зимовке начинается с утренней зарядки. Зимовщики усердно работают, производят научные наблюдения и исследования, учатся, готовясь к короткому полярному лету. У пилота Богута самолет в полной готовности, а моторист Рыбинков, озабоченный притупленной полярной тоской, хандрит и отказывается ремонтировать аэросани.

Наступают первые весенние дни, и зимовщики готовят экспедицию к дальним горам, на поиски ценных металлов. В ночь перед выездом экспедиции к зимовщикам приходит двое чукчей: в урочище Ярипка умирает комсомолец — и они просят ему помочь.

Туман, надвинувшийся из тундры, мешает взлету самолета. Лишь через несколько дней прилетает самолет в урочище чукчей, и врач Желя оказывается помощью умирающему комсомольцу Таюзо.

Тем временем вторая группа зимовщиков уже добралась на верхах к дальним горам. Обеспокоенные их долгим отсутствием, Желя и Богут летят на розыски своих друзей, но самолет терпит аварию.

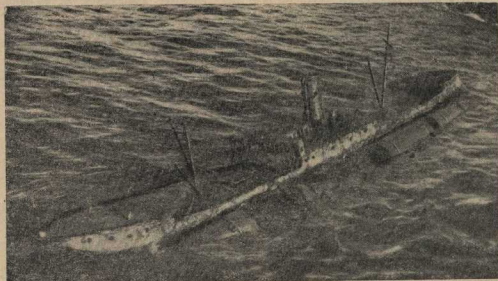
Несколько суток они безнадежно бродят по ледяной пустыне. Рокот мотора аэросани Желя и Богут принимают за гласоудивацию.

Испытывая мимими Рыбинкова. Чувствуя себя виновником катастрофы, происшедшей с товарищами, он починал аэросани и отправился к ним на помощь. Все вместе они спускаются в долину, и никто уже не встает. Печальные, возвращаются они к своей зимовке и здесь находят своих приятелей, которых вырвали из беды чукчи.

Режиссеры С. Герасимов и А. Босулав пытаются раскрыть в этой картине героические образы советских комсомольцев-полярников, их величайшую самоотверженность.

Студентка Тоня — артистка Е. Пырляева («Сокровища погибшего корабля»).

Из-под воды на пюпитрах показавался остов корабля («Сокровища погибшего корабля»).

СВОЕМ ДЕРЕ

Двое шаг по дороге,
Сережи берез пламенеи,
Рядушка воловочью почку
Дубок владык,
На варном солнцеице
Зеленые сян сиван,
Накао черной землей,
Провалогданы летом
И волы,
Увирали снега,
И туван окусама в овражи.
Уникальный воденник
Загадываи в сиватый ручей.
Пареньку было жарко,
Черноголази, он шел без фуражки,
Промокая глазами
Помет журавлей в тусел,
А дам девушка было в новинку
И промекать сорочи,
Ламный шаг между осени,
И пар над холодным прудом.
Ей казалось, что где-то,
За крутым поворотом дороги,
Льет прихода с
Неправично востроенный дом.
Каждый гость — не человек,
Любому найдется работа,
По душе и по нраву
Забыл себе выбирать.
Хочешь стать музыкантом?
— Пожалуйста,—
Вот тебе ноты,
Правично открыто,
Сядься за него и играй!
О степенных ангаре,
О воздухе аэродромов,
О серебряных крыльях,
Шага, мечта парене.
Было время, он делал,
Когда в Камани и Громов
Малышутани шаг
К перевесткам просторных аэроэ.
— Случай, Ганя,
Смогла он полудте,—
Ты знаешь: на свете
Ничего нету лучше полата,
И слово даю,
Этими летом я тоже узнаю,
Как падает с облака ветер
И пламери маощу
Находит тропинку свою.
На лесные холма
Поднималась дорога,
Все гуще
Долетали гудки пароходов
С расхлукнутой нивестей реки.
То в деле аэроуки
Испуганно шептались в аду,
Шевелясь деревья,
И ветки касались шкел.
Пановце, по суртукану
К обрыву принял нещелом.
Перед ними лежала равнина,
И в ирвене сияло, вдале,
Самолеты свирали
Дымчавые веда и вавды,
И в дакские рейсы
Из гавани шаг корабли.

Александр Новаленков

ГЕРОИКА БУДНЕЙ
(ОКОНЧАНИЕ)

классовую сознательность, преданность социалистической родине.
«Семеро сильнее» появится на экране к 18-й годовщине Октября.
Несколько в другом плане строятся фильм «Скорзница погибшего корабля» (автор Б. Липатов). Действие картины разворачивается в одном из колхозов Грузии. Ее герой — талантливый человек, лучший волевода Панов. Панов — в прошлом уголовный преступник, влозничек неспоряемых лес. Общивая название, он приобрел квалификацию волевода и своей дисциплинированностью, удручной работой смыла тенемиче прошлого. Панов — всеобщий любимец — пользуется особой симпатией студентки Гоши — прекрасной спортсменки, работающей стартером на теплоходе «Армения».

Часто пытаются меня озадачить любителями точных литературных определений.

— Кто же вы такой? — спрашивают они. — Писатель, журналист, сценарист? —
— И то, и другое, и третье, и еще многое иное — отвечаю я в таких случаях.

Мне думается, что писатель должен быть универсальным, владеть всеми видами литературного оружия.
Кинофорам, газетам, радиоволнам, световой газете... Они позволяют нашу мысль, наши произведения сделать гомемерическими по широте их возможного охвата.

И надо быть совершенно лишним чувства современности, утратить ощущение ритма, тонаус сегодняшнего дня, чтобы отказываться от этого возможного охвата.

Тут дело не в ядности... Современный писатель должен понимать, что он находится в неравновесно более благоприятном положении чем какой-нибудь проповедник Аввакуму, все литературное оборудование которого состояло из гуслиного nera.

Мы должны использовать технические преимущества нашего времени.
Разумеется, газета, кино, радио предъявляют свои особые требования к литературе, и писатель должен изучать технологию каждой из этих областей.

Возьмем газету. Что отлучает писателя, работающего в газете, от журналиста? Здесь, мне кажется, главное состоит в умении сохранить свой собственный тон в тесноте и простоте газетного текста.

Это не значит, что писателю должен капризно отгнать большинство из предлагаемых ему редакцией тем. Но надо установить в своей работе некую как бы специализацию по разработке определенных отраслей газетной тематики. Спорт, героика советской жизни, дети страны — вот, например, области, в которых я работаю в газете.

Приходится иногда, конечно, брать и за иные темы, но здесь уже помогают опыт и тот горючий дух газет, то ощущение единой боевой палубы, которым пронизывается, долго работа в редакционном коллективе.

Газета обогащает писателя материалом, по быстро называет его славады. Но это не очень важно. Общаясь с живыми людьми ежедневно, я беспрестанно пополняю свой лексикон. И, помня слова В. В. Маяковского, я продолжал считать, что газета — всемогущий школа для молодого писателя, дающая переработку и литературную и политическую выучку, школа, не позволяющая писателю развильвать слово литературную похвалу, соревнующаяся с ним, в писателе, незадухающее чувство современности.

Разные дороги и разные задания требуют от спортсмена различной обуви. В футбольных бутцах неудобно бегать кроссы, а в бальетных тапочках не следует выдывать на футбольном поле.

Однажды под водой, во время работы по подьему затонувшего английского парохода, внимание Панова привлекла большая блестящая шкафа в кабинете командира. Он вскрывает шкафа и, превращенный огромным количеством золота, забирает его себе. Однако волевод не заметил, как вылезла из шкафа и высела на поверхность обмыленная курительная трубка. Эту трубку передают начальнику волеводской партии, как раз получающему письмо от владыки из Гарионовской. Гарионовский вернует трубку, так как она дорога ему как память. Эту трубку и выдает Панова. Но начальник решает оставить Панова на свободе. Его освобождает Панов, Гарионовский и владыка оказываются все гнистью его простка.

Старый грек — Радуюсо — самша о тайне затонувшего корабля. Он предлагает Панову за половину найденного сокровища переправить его загранично с любимой девушкой.

Писателю должен уметь выбирать заранее подходящую стелевую «обувь». Он должен заранее изучить профиль и карту пути своей влады, рассчитать длину такт, чтобы к середине влады оно не иссякло, чтобы оставался смысл для жаростого, стремительного фильша.

Коротенький рассказ можно написать еще в период влады. Большую вещь надо делать с расчетом мерного делания с выбором места для отлучка, для перемены. В этом и состоит искусство так называемой композиции.

Сядься писать историю, фелетон, детскую книгу или повелюя, и старься влады заранее представить себе композиционный рисунок влады. И иногда даже рисую на бумажке линейную схему проведения. Иногда это пучок кривых, соединяемых с выбором места для отлучка. В повествовании несколько сюжетных линий, они начинаются равномерно и разноместо, а покоем сходятся к одному факту, к одному событию.

Иногда это крутая прямая. Она неожиданно надламывается, резко падает вниз, кривой возвращает несколько назад и в самом конце летит опять резко поднимается. Это в том случае когда рассказ идет с главным направлением от известного момента, до перелома. Затем, возвращение назад. Дается объяснение истинного существа фактов, но известных читателю. Иногда — математический отлучек мистический финал опять вздымает ломаную кривую сюжета. Так например построена моя рассказ «Трансвааль» (в книге «Ученик чародея».)

Какой бы рисунок композиции я ни выбрал, во всяком случае, сядься писать, а уже заранее представляю себе всю вещь от начала до конца не текстом, конечно, но в целом. И уже продумаю весь чертик вези и только тогда могу оставить себя написать первое слово. Необязательно заранее знать заголовок. Опыт думает писателя и определяет это, но сам я не в силах оставить себя написать ни одной строчки из задуманного произведения, пока я точно не знаю заглави.

Я не берусь утверждать, что так должны поступать все, но мне самому заглави обещает очень много, дает перспективу всей вещи, дает ей лейтмотив. Держась за заглави, я уже легко пишу всю похвалу произведения. Я, как говорится, «обнаряжаю» заголовок, стараюсь найти его созвучия в тексте, тину от него различные ассоциации.

Здесь мне хочется сказать о моем методе «вездущего» образа.

Я всегда и в газетной и в художественной литературной работе стараюсь найти дух мой массовое зрелищно, на которого произрастает обаяние и сюжетные драмы произведения. Это зрелище, этот ведущий образ должен быть найден в самом материале и рожден его существом.

Однажды мне надо было дать художественный репортаж о сборище домохожен, на котором член Моссовета рассказывала о своей

Чуткость начальница зривоновской группы, его доверие, замечательное отношение к нему — волеводу Панову, привлекло мое внимание. Я ставлю Панова много передумать. В нем борются два человека.

Настает торжественный день подьема корабля. Стрелочка Доловои лает под воду привлечить к кораблю иривонский флаг.
Но Доловои запнулся под водой, и ему на помощь спускают Панова. Снепожобенный зрелочка поднимается, а Панова еще нет. Пановце он поднимается, а через несколько минут всплывает и корабль. Начальник открывает дверь шкафа: в нем сверкает груда золотых монет.
Пановце Панов еще нет.
Следует отметить прекрасную игру всего актерского коллектива, выявляющую в создании этого фильма, особенно заслуженного артиста Н. В. Фолева.

Мих. Далеполов

работе. Тема никому не казалась рюксовой, и товарищи по редакции проводили меня сочувственными взглядами.

И вот там, на собрании, мое внимание привлекла маленькая сумчатая старушка со старинной муфтой, и я уже не слезал с нее. Глаза до самого конца собрания. И тщательно следил за ее поведением, за движением ее рук в муфте. И я нацелился фельетон, называвшийся «Муфта». Говорят, это был один из удачнейших моих газетных вещей. Муфта стала ведущим образом. Муфта заиграла в фельетоне как образ прошлого, как материально выражение погоды, «время года». Через муфту я показывал все собрание. И рука старушки, вытанувшая в финале из муфты для голосования, «раскраснелась» этот образ. Большой матерьял, политически актуальный и значительный, абстрактно звучащий в передовицах и докладах, был здесь сконцентрирован на небольшой, очень тесной и предельно конкретном участке. И это позволяло подать казавшуюся «вашиной» тему в неожиданной и впечатляющей новизне.

В своей работе я всегда стремился найти такую ниточку, потянув за которую сразу выявляешь весь сложный узел темы. В самой «бронированной» теме можно найти нежное, уязвимое место. Вот в эту ахиллову пату темы я и старался бить.

Я старался донести большие события до самого нутра читателя, положить ему обработанный, плотно уложенный материал прямо в руки, чтобы он ощутил теплоту, беглость и вес собития.

В повести о звездопавшем Цюлаковском и дал такой финал: «И наступил день, похолодный, на 30 сентября этого года, когда спустился на землю корабль еще не удавленной сегодня конструкции и вылетел человек, человек нашей страны, и протянул нам щепотку ссаженной ямны. — Вот, — скажет он, — возмите он, — скажет он. —

— Что же, земля как земля, — ответил ему.

И он тихо сказал:

«— Нет, это щепотка луны.»

Здесь я старался дать в щепотке грандиозный, сейчас еще фантастический образ покорения большевиками межпланетных просторов.

Этот «метод щепотки» я применяю всегда. В «Кюндите» центральное место — возглас учителя при снятии царского портрета: «Романы Николай! Бон из класса!» В фельетоне о спасении Челюскинцев телефонная реплика «Боря на материке» дает в «щепотке» событие всемирного масштаба.

Я старался найти и другие методы обработки фактического материала. Изучая принципы киномонтажа, композиции Якобсона, я делюписем.

Я старался иногда сшибать факты один с другим абиями так, чтобы искры летели и в неожиданно ярком свете появлялись некая казавшаяся тусклость. И я старался расположить противоречивые факты на таком расстоянии друг от друга, чтобы взаимодествительные вымыслы горели, сверлались состояние теми, надобные золотой юбке.

Но, находя образ, нащупывая конструкцию произведения, скимая в лирическую «щепотку» большой матерьял, я ни на секунду не забывал о задании вещи, о ее функции. Все время я проверял себя: к чему мне эта деталь? Выражает ли она идейное значение вещи, или это просто красивая безделушка («литературная фринделка, удачный кулестик»)?

Образы, детали, каждый строчка хорошо сделанного произведения должны иметь единое смысловое направление.

Так располагаются молекулы в намагниченном бруске железа. Так собираются детали и образы.

Я старался писать конкретно.

Но я думаю, что иногда нужно заставить читателя нарочитым затруднением остановиться, задуматься, поискать ее скрытый смысл. Чтобы в самом строчке выражение данной идеи, в сопоставлении слов, в звуковой и логической их окраске заключалась нужное писателю содержание.

ЛЕВ КАССИЛЬ: — Какую бы еще тему придумать? ..

Одновременно я старался избавиться от лишней игры словом, от ботаники и фразологии, которую еще несколько лет назад называли мне замечательным украшением стиля.

Смешно спрашивать писателя, какой фразой он предпочитает писать: длинной или короткой.

Времена карамзинских многотактных периодов, разумеется, прошли.

Преимущество лажонической фразы ясно выдало, но нельзя ставить перед собой задачу — писать обязательно короткими фразами.

Когда я писал, например, сказку об «Алеше Рыцаре и дядье Володаре», я начал ее с ритмичными повторяющимися одностопными фразами русского скака. Затем незаметно перешел к мягкой закрученности фраз, породившей Андерсена. А в особенно напряженных случаях, где действие развернулось бурно и драматично, предельно сжимал фразы, делал их короткими, стремительными, нагнетающими волнение и передающими анимацию катастрофы.

Когда же мне понадобилось провозвести очень смелый опыт введения в ткань сказки цитаты из Ленина, я стал уже за 3, 6 фраз до этой цитаты постепенно увеличивать длину предложений, придав повествованию мертвый ход. Цитата из Ленина не вымпила из тела сказки, в плотно встал в нее. И затем также по испадывающей кривой и уползла предсказанию.

Надо заботиться об акустической стороне фразы. Внутренне полиологасе, звучность, это необходимо, ритм и чистота смысла.

Писатель должен любить и чувствовать хорошую звук. Он должен иметь тонкий слух и прислушиваться к звучанию каждой написанной строчки.

Не всегда следует строить фразу по принципу звукописи, т. е. стараться сбавить звучание фразы с ее логическим смыслом. По принципу такого звукоподражания строка фразы Андрей Белый.

Я позволяю себе звуковую имитацию лишь в случаях крайней необходимости, там, где это может с предельной силой передать картину явления.

Так, однажды мне надо было выразить в одной фразе, как работают еще не разогреты

моторы мотоциклов. Над этой фразой я биясь несколько часов. Мне никак не удавалось передать перебой в моторе, срывчатость, ненадежность работы.

Так и пришлось сдать в редакцию вещь с фразой, которая меня не удовлетворяла.

Уже потом, исследуяюнда найди нужное слово, я по телефону исправил в самый последний момент злополучную фразу.

Теперь, мне кажется, она точно передает звуковой рисунок фразы: «Еде, срываясь, стреляя влуд непоняд выхонытые трубы».

Тут важно было найти слово «непонята». Поставленное рядом с «выхлопными трубами», звуком и смыслом своим изюмное слово «пербеяло ноги» фразы, и фразы заработала так, как мне нужно было.

Для того чтобы найти запоминающийся и крепко связанный с темой заголовок, приходится иногда часами бормотать про себя, пробуя на слух всевозможные словосочетания.

Для того чтобы найти заглавие к фельетону о первом стратотате, я выискал на отдельном листке 48 заголовков и только 49-й удовлетворил меня: «Подлет потолок мира».

И огромная радость для писателя слышать, как найденные в тщательной, кропотливой работе образы, тип, словосочетание, термин, ключик к тому, что ты пишешь, близко припадают к сердцу тему, описываемых людей, дела их и жизнь.

Что я считаю необходимым категорически запрещать всякому писателю — и начинающему и маститому?

Под заголовком должны быть слова, разнолужие.

Надо писать горячими, искренними словами (скрупись, впрочем, на восхлательные знаки).

А для этого надо действительно интересоваться тем, что ты пишешь, близко припадать к сердцу тему, описываемых людей, дела их и жизнь.

Величие Маяковского основано на его глубокой искренности, на огромной личной ответственности в деле социализма, единичи из ответственных участков которого он считал литературу.

Не надо завлаиваться, но надо уважать то, что ты пишешь.

Не знаю, как другие, но сам я без этого писать бы не мог.

О перелетке природы

«Горы и люди» — это рассказы о том, как в нашей стране люди по одному плану перестраивают и горы, и леса, и реки, и свою собственную жизнь.

«Горы и люди» — это рассказы о том, как в нашей стране люди по одному плану перестраивают и горы, и леса, и реки, и свою собственную жизнь.

Одну из рассказов, посвященный перестройке пустыни, начинается так:

«Мы привыкли говорить о пустыне словами, которые все одинаково начинают: бесплодная, безводная, безотрадная, безжизненная. Эти слова говорят не о том, что в пустыне есть, а о том, чего в ней нет. И даже самое слово «пустыня» означает пустое место, место, в котором нет ничего.

Но это неверно... В пустыне Кара-Кум живут люди, водятся стада, растут травы и кустарники...»

Всего в книге восемь рассказов. И каждый рассказ — о чудесной перелетке природы, которую осуществляют болельщики.

О покорении пустыни человеком, о полях и садах, которые зацветут пустыни, об использовании колоссальной энергии солнца и ветра, об обуздании рек, об управлении погодой, об огромных богатствах, которые таят в себе горы, — обо всем этом повествует эта замечательная книга, вышедшая недавно Ленинградским отделением Детизда. Книга издана на хорошей бумаге. Прекрасно оформлена и художественно иллюстрирована.

Есть с интересом прочтут и дети, и взрослые, и юноши, и старики. Прочтут — и раздуют то восхищение, о котором писал величайший писатель Запада, наш современник и друг Ромул Роулав.

Биография мотора

Судьба ни разу не унывавшая Дени Папену. Отпущенные семьи, он тщетно искал содействия своему смелому изобретению у современников. Повествование о великом изобретателе является содержанием книги Ник. Шпанова.

Первое испытание машины Дени Папена произошло в Париже при библиотке.

«Папен собственноручно заволажал порох и привлекать дядю шландрера. К длинному шлангу, лежащему на земле, была прикреплен целый ряд труб. По тому, сколько их поднимается при опускании поршня, Папен хотел судить о силе машины.

Папен являл фанатик и побеждал в играх, чтобы наблюдать, как они stanno подниматься.

Но он не успел сделать и двух шагов, как раздался отвратительный грохот. На глазах у зрителей поршень взлетел над шландром. На головах присутствующих посыпалась черепица с разбитой крыши. Прежде чем кто-нибудь собрался, что произошло, поршень со звоном упал на каменный пол и разбился вдребезги...»

Французский инженер Дени Папен был гениальным изобретателем. В его голове впервые зародилась идея двигателя внутреннего сгорания. Но Папен переживал, как осуществятся потребности и технические возможности своего времени (конец XVII века). В его изобретениях не нуждались ни ученый мир, ни чиновное дворянство, к которому он принадлежал.

«Работать мы вам не позволим, — сказал кардинал, обращаясь к Папену. — Вы должны быть счастливым тем, что король приказал не запереть вас в тюрьму, полагаясь на ваше слово дворянина...»

Это и была наградой за всю творческую жизнь, полную мытарств и лишений. Другая жизнь у изобретателя Ленуара и Отто. Они были менее грамотны чем Папен. Но они шли вперед бурного роста машинного мира. Сама жизнь толкала их к поискам двигателя, без которого не могла уже развиваться промышленность.

Три изобретателя — три различных судьбы — три повести, объясняющие различия одной идеи — идеи двигателя внутреннего сгорания.

Самое замечательное в книге Ник. Шпанова в то, что от этой, казалось бы, довольно прозаической вещи она повествует живо, интересно, захватывающе.

Книга называется «Рождение мотора», она выпущена в свет Государственным издательством.

Люди в скафандрах

Зимой 1932 года, замечательный трагиком, наш краснознаменный ледокол «Мальгин» шел на рифы у мыса Альфредов.

В условиях Арктики каждый день таял угрозу для ледокола, сковавшего бессильно.

История мореплавания не знает случая, чтобы спасал корабль дальше семидесяти паравалам — да еще в условиях суровой арктической зимы.

Списание «Мальгина» было поручено краснознаменной экспедиции подводных работ (ЭПРОН). И эПРОНцы с честью справились с трудной задачей.

Очеркист «Комсомольской правды» Мик. Розенфельд с поразительной экспедицией в качестве полнотруда похода и предвостановил редакцию. Он принял непосредственное активное участие в спасении «Мальгина». Правительство наградило Мик. Розенфельда орденом Трудового знамени.

В своей документальной хронике «А ля я и е о ч е р» он рассказывает о замечательных людях — о людях слабой энергии. Розенфельд пишет о Фотии Крылове, о знаменитом водоплавателе Хондоке, о корабельном инженере Бобринском, сформом, но решительном, о капитане «Мальгина» Филатове, о моряках и штурмане, радистах и коцегарах — славных героях Арктики.

Мик. Розенфельд держит читателя в большом напряжении. Он умеет рассказывать с величайшим доверием о самых простых, казалось бы, вещах. «Ледяные ночи» прочитавший, не отрываясь, от первой до последней строки. Выпуск книги является изданием «Молодой гвардии» можно только приветствовать.

Неумирающий образ

«...Это бланг его последние слова перед казнью. Титушу разорвала истерический вопль священника:»

«...Сын мой, через несколько минут ты представишь перед нами твою последнюю волю, которую оставил тебе для раскаяния. Ноужайся, ты приближаешься к престолу его с шуткой...»

«...С шуткой, ваше превосходительство. Мне кажется, вы и вам подобные нуждаетесь в этом христианском образе. Когда придет наш черед, мы поступим в ход пущина, а не подождем равных караванов, и тогда увидим, как мы поступим...»

Овод! Слово и снова оживает тот замечательный образ мировой литературы, воплощенный не одно поколение революционеров. Подостарые революционные движения нашей эпохи воспевают слово Овод. Это русские большевики, победившие семидецать с половиной лет назад; это немецкие коммунисты, без страха работающие в захваченном Польше; это коммунистические борцы против фашизма во всех латиноамериканских странах. В этих героях живут черты замечательного образа, созданного английской писательницей — Вольфганг.

Первоначально лучшие книги русской и мировой литературы, «Молодая гвардия» делает большой важности дело. Такая книга, как «О о д» В о й и ч, будет читаться нашей молодежью с захватывающим интересом. Она воспитывает чувства героизма, бесстрашия и беспредельной преданности революционному делу.

Кто виноват?

«Когда бандный американец зашел опанить счет в ресторане на площади Балиш, он не обнаружил своего букашкина...»

Пока полемические замечания злободневного страдания, Таби Пети исчезла. Швейцар видел, как она уехала на автомобиль американца...»

20-летняя Габи — дочь потешных родителей. Она получила воспитание во всем правах буржуазной порядочности в образованной лотарингской школе. Что толкнуло ее к преступлению, которое однажды вечером стало сенсацией всех буржуазных газет Парижа?

«Директор школы удавился бы, если бы кто-нибудь вздумал его обвинять. Редактор был бы возмущен, если бы кто-нибудь потребовал, чтобы он вместе с Габи был посажен на скамью подсудимых. А составитель учебников, по которому мы изучались...»

Ирина Эрбур скромно называет свою первую книжку «Лотарингская школа» запискам французской школы.

Но эти записки, — по существу, повесть о судьбах буржуазной элитности, о судьбах, обусловленных всем характером жизни и воспитания.

Перед читателем встает яркое образы молодых людей буржуазной Франции со всеми их стремлениями и чаяниями.

«Денги... Мне необходимы денги, — пишет Габи в своем дневнике, — и должна выйти замуж за какого-нибудь богатого субъекта... Я захожу роскошную квартиру, автомобиль. Если у меня не будет денег, я может быть, покончу с собой...»

«Рягд де Бурже женился, его будущее несомненно, но денги у него есть...»

Денги — вот что определяет все цели и помыслы этой молодежи.

В свое время «Лотарингская школа» была напечатана в 4-м номере альманаха «Од семидесяти». Сейчас Госиздат выпустил ее отдельной книжкой.

ШАХМАТЫ

Три вопроса

Решения

Под редакцией Л. Гугеля

ЗАДАЧА № 3

ЗАДАЧА № 4

Б. Бурашников (Рассказово) И. Гегельский (Донбасс)

(Печатаются впервые)

Белые, начиная, дают мат в 2 хода

Фамилии читателей, приславших правильные решения, будут напечатаны (вместе с решениями) в сентябрьском номере «Смены».

2. Партия № 7

Читатели «Смены» уже знают, что осенью нынешнего года предстоит матч на первенство мира между нынешним чемпионом мира (Франция) и тогдашним громогласным Эйве. Для того чтобы познакомить читателей «Смены» с игрой претендента на мировое первенство, приводим одну из его партий, игранную на турнире в Буапеште. Отнюдь не являясь лучшей из партий Эйве, она вместе с тем выгладит демонстрацией характерные черты его игры: дальновидную расчетливость в соединении со смеельностью и острой комбинацией.

9. h2—h4 c7—c5
10. c1d1—d3 d8—e6
11. Жертва слона на e6 уже висит в воздухе.
12. Kc4:d2 Kc4:d2
13. Kd8:e6 Kd8:e6
14. Ab3—h3 Qd8—f8
15. Cd3:g6! Ab3—f3
16. Af3—f3 c5:d4

Оборонительные соображения черные очень резки. Следует рассмотреть варианты:

15. Cg6:f7+! Kc6—d8
16. Qd2:g7 d4:c3+
17. Kf2—e1 Kc5—b4
18. Cf7—g6! Af8:f3
19. Kd1:f3 Qb3—f4
20. Aa1—c1 Aa8—b8
21. Фг7—f6+ ...

Скорее всего приводит к развязке.
21. ... Df4:f6
22. e5:f6 Lc8—d4
23. g2—g4

Пешечный фронт начинает двигаться.

23. ... Kc8—e7
24. g4—g5 Aa8—h8
25. Se6—d5 h6:g5
26. h4:g5 e6—e5

Черные упорно задираются, что дает повод к интересным комбинационным комбинациям.
27. e6:Se8; 28. Kc3! Kd4:d2; 29. Kf7 Kf3+; 30. Kc2:e4; 31. f7 Kd4+; 32. Kc3 Kf5+; 33. Kp4 Kf7; 34. g7 L—h7; 35. Kc3! Aa4+; 36. Kc5—h1 черные сломают оружие.
(Примечания по С. Тартаковеру)

Черные: Е. Д. Боголюбов

Белые: М. Эйве

Ход белые

Эта позиция получалась после ходов: 1. e4 e6; 2. d4 d5; 3. Kc3 Kf6; 4. Cg5 Cb4; 5. e5 h6; 6. Cd2! C:c5; 7. b:cKc4; 0. C:e7 g6.

Последовало:

1. Расставить на доске один лишь белые фигуры так, как располагается они перед игрой. А теперь подумайте, куда нужно поставить черного короля, чтобы заставить его не белее чем в три хода.

2. Предложим, что с самого начала партии черные будут не противодействовать, а идти навстречу замыслам белых. Справедливо: во сколько ходов белые объявят им мат?

3. Сколько ходов нужно поставить на доску, чтобы они назвали ладью удар все ладьи доски (то есть и те, на которых они сами стоят)?

Попытайтесь дать ответ на эти три вопроса. Разрешит ли, мы покажем, как вы владеете шахматным «материалом», как знаете доску и насколько точно умеете рассчитывать.

Ошибка чемпионоса мира

В майском номере «Смены» была напечатана следующая позиция из партии Штольберг—Берм Менчик:

Ход черных

В этой позиции чемпионоса мира пошла слон на c7, не заметив, что у нее была возможность быстро решить партию в свою пользу.

48 читателей откликнулись на наше предложение: найти, как должна была бы сыграть Менчик. 35 товарищей правильно указывают, что выигрывающим ходом является: 34. ... Фd5:h3. Действительно, после 35. a2:b3 a3—a2, 36. Фd3—d1 Cc5:c3 белые остаются с лишней ладьей.

Первыми прислали правильное решение этой позиции: А. Виглиц (Могилев), М.т. Приходько (Курган, Челябинской области), С.Тембола Г. (Ново-Украинка), Н. Лобовцов (Детское село), Г. Чернов (Брянск), Н. Деревенко (Николаев), Н.ры Милославский (ст. Люблино, Московской области), А. Поньжич (Ленинград), А. Бурчанин (Сталинград), И.Кочетов Б. (Москва), А. Гринберг (Ленинград), В. Шафранский (ст. Славянская, Азово-Черноморского края) и другие.

«Смена» № 5 за май 1935 г.)
Задача № 1. Островской (белые): Kр6b, Фd5, Са3, Кb1, с2; черные: Кр4a, Фd3, A1b, СП и g7; Kf8, a5, e6, c4, e5, и f2X. 1. Са3—c5!

Этим ходом белые создают угрозу мата на втором ходу посредством Kа1—c3. Черные для спасения от этой угрозы, пытаются взять будущее пристанище коня под обстрел своих дальнобойных фигур, но вместе с тем теряют и во зрелищности фигур, давая белым возможность матовыми путями:

1. ... c3—e2; 2. Фd5:c4X
1. ... e5—e4; 2. Фd5—c6X

В первом случае черные перекрывают слона f1, во втором—своего ферзя.

Между прочим, из последнего варианта выигрывает почему Белый слон должен остановиться именно на поле c5, а не до b4 или e7; он оказывается, при соответствующем закрытии черной ладьи доступ к полю b5.

Этот №1,Кайена (белые):Kр4a, A13, Сg4, Кb2; черные: Кр4d, Фb7, p. g7. Белые выигрывают.

1. A13—d3+ и Кр4a—e5

1. ... Kр4a—e5

2. Kf2—c1 и Крe5—f6

Есам 2. ... Kр4f, то 3. A1b+—Ha 2. ... Kрe4 последует 3. Kd4—3.

3. A1b—d6+ и Крf6—e7

4. A1b—e6+ и Крe7—d8(В)

5. A1b—e6+ и Крd8—e8

6. Kc4—d6+ и Крe8—f7

7. Kd6—b7 и выигрывают.

Второй вариант:

1. ... Kр4a—c5

2. Kf2—e4+ и Крe5—b4

Есам 2. ... Крe4, то 3. Cb6+! 4. Ka4—c5+ и выигрывают.

Этот ответ принадлежит одному из лучших шахматистов Вильямсовской АССР. Этот нельзя назвать трюком, но он очень характерен. Сопоставление действия белой фигуры и трюкратная жертва белой ладьи чрезвычайно эффектны.

Правильные решения обеих композиций к 25 июня прислали следующие товарищи: В. Илюин (Москва), Наташа Лобанова (Детское село, Ленинградской области), А. Поджич (Ленинград), Н. Деревенко (Николаев), А. Бурчанин (Сталинград), Поньжич Ва. (Москва), Н. Милославский (ст. Люблино, Московской области), Зубов П. П. (Москва), А. Близкий (Среднеазиатск), В. Шафранский (с. Вилуауво, Омской области), В. Шафранский (ст. Славянская, Азово-Черноморского края).

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:	Стр.	А. Котровский — Три вопроса	16	ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИЖКАХ ...	22
Алексей Ткачев — Проложение Бурашево в стране друзей	4	С. Котровский — Как и что происходит с нами	10	НАША РОДИНА: Говорят, говорят, что...	2
С. Котровский — Размышления о величии своего дня	7	И. Гегельский — Как и что происходит с нами	11	математик Г. Цук, фото А. Габриэлиани	12—13
Д. Минковский — Как и что происходит с нами	9	НАШИ СВОБОДНЫЕ ВЕЧЕРА — Зинаида И. Владимировна	11	ВИДУШИКИ: М. Христинский, Н. Алягузова, А. Г. Соловьев, И. Семенов	23
М. Юный — Три вопроса с Мелурином	11	Л. Гугель — Библиотечка говорящих книг	14	ФОТО: А. Габриэлиани	23
Александр Шубин — Школа говорящих книг	14	ЛАБОРАТОРИЯ НА ЭКРАНЕ: М. Давыдов — Говорят, говорят, что...	15	На первой обложке — Нина Кайнова, фото И. Шафранского	15
Александр Шубин и Клавдия Ашенина — Искусство спортивного плаванья	15	ЧТО МЫ УВИДИМ НА ЭКРАНЕ: М. Давыдов — Говорят, говорят, что...	15	На второй обложке — Уголок живой Москвы, фото И. Шафранского	15

Отв. редактор В. ВЕЛЬМИН Отв. секретарь редакции М. ГОЛЬДБЕРГ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда»

Славо в набор 10/VI 1935 г. подано к печати 10/VI 1935 г. Изд. № 611 1/2 бум. листа. 166 948 п. з. в бум. д.

Уполномоченный Главлита № Б—8950. Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8. Стр. № 1459. Тираж 30.000

ЦЕНА 60 КОП

УГОЛОК НОВОЙ МОСКВЫ

